

Раздел III

**КУЛЬТУРЫ
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Одна из наиболее ярких культур населения Горного Алтая скифского времени получила название *пазырыкской*, по группе курганов, исследованных в долине Пазырык. Все ранее рассмотренные нами племена жили в основном в степной, равнинной полосе и лишь иногда – в прилегающих к ней горных районах. Население же пазырыкской культуры жило на Алтае – самой высокогорной части Южной Сибири. Климат здесь, как и теперь, отличался низкими средними годовыми температурами, продолжительной и очень холодной зимой, коротким относительно сухим и прохладным летом.

Характерная особенность курганов пазырыкского типа – наличие мерзлоты, сохранившей в них до нашего времени то, что обычно в могилах не сохраняется: деревянные, кожаные, войлочные и тканевые изделия, а также самих погребенных и сопровождавших их лошадей. Эта мерзлота не была естественной, она зафиксирована только под курганами, за их пределами мерзлота отсутствует. Вопрос о причине такого явления пока еще до конца не установлен. Обычно это объясняют следующим. Каменная насыпь кургана и забутовка камнем глубокой могилы являлись чем-то вроде конденсатора, который, как в погребке, сохранял холодный зимний воздух, проникавший внутрь могилы на глубину до 7 м. Короткое лето не давало возможности согреться этому воздуху. Летом влага, оседавшая на поверхности холодных камней, стекала в могилу. Глиняный грунт плохо впитывал влагу, и проникавшая сюда вода превращалась в лед, в котором хорошо сохранялись органические остатки. Причем в отдельных случаях под совершенно, казалось бы, одинаковыми курганами с каменной наброской мерзлота сохраняется, а под другими ее нет.

История исследования. Первые курганы, которые содержали погребения, вмёрзшие в лед, были раскопаны в 60-х гг. XIX в. В.В. Радловым в могильниках Катанда и Берель. Согласно методике раскопок того времени была вскрыта лишь цент-

ральная часть курганов. В 1927 г. М.П. Грязновым был раскопан Шибинский курган, а в 1929 г. им и С.И. Руденко – Первый Пазырыкский курган. После второй мировой войны, начиная с 1946 г., С.И. Руденко в течение ряда лет проводил раскопки курганов в долине Пазырык, где было раскопано семь курганов, из них пять – “царских”, и по две насыпи у села Туэкта и в урочище Башадар. При этом каждый курган исследовался тщательнее, чем в XIX в., но вся насыпь полностью не снималась.

Следующий этап изучения Алтая падает на 70–90-е гг. XX в., когда раскопки в Горном Алтае проводили сотрудники ИАЭТ СО РАН. В.Д. Кубаревым были раскопаны рядовые могильники Уландрык, Юстыд и др. В.И. Молодин и Н.В. Полосьмак провели раскопки на плато Укок, где была обнаружена серия погребений знати. При этих раскопках насыпь снималась полностью. Значительные раскопки рядовых могильников были проведены сотрудниками Алтайского университета во главе с Ю.Ф. Кирюшиным. Так, на могильниках у с. Тыткескень ими было вскрыто много курганов и межкуранных сооружений. Памятники Горного Алтая представлены в основном курганными могильниками. Поселений пока известно мало, и они слабо изучены.

После раскопок материалы пазырыкской культуры изучались различными исследователями, уточнявшими датировки курганов, определявшими породы лошадей, антропологические типы пазырыкцев, их взаимоотношения и связи с хунну и т. д. Особый интерес представляет генетическое изучение мягких и костных тканей погребенных из долины Укок. Оно выявило генетическую связь пазырыкцев с рядом народов и в первую очередь – с самодийским населением севера Сибири.

В результате исследований установлена периодизация раннего железного века Горного Алтая. Наиболее распространено деление его на периоды, которые датируются VIII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э. Первый период представлен не-

значительным числом курганов. Наиболее яркие и многочисленные погребения присущи второму, собственно пазырыкскому, периоду.

Антропологический тип населения определен как смешанный. Преобладают черепа с более выраженными европеоидными чертами. Но встречаются и монголоиды, имеются также метисные формы. Для пазырыкцев характерно крупное телосложение и высокий рост. Для мужчин из курганов Пазырыка он колеблется от 174 до 181 см. Высоким ростом отличались и женщины из курганов Укока. В целом население можно охарактеризовать как высокорослое, с мощной шеей и крупной головой. Средняя продолжительность жизни для мужчин – 39 лет, для женщин – 33 года.

Происхождение и история племен пазырыкской культуры. Наряду с памятниками пазырыкской культуры, на Алтае исследован ряд погребений родственной ей каракобинской культуры, характерной чертой которой были подкурганные захоронения в каменных ящиках. В настоящее время принято считать, что в основе каждой из этих культур лежат два элемента. Первый элемент – каракольская культура Горного Алтая эпохи поздней бронзы, самодийская в своей языковой основе. Носители этой культуры хоронили своих умерших в каменных ящиках, стенки которых были украшены гравировкой, выбивкой и многоцветной живописью. Второй элемент также восходит к эпохе поздней бронзы и представлен ираноязычными европеоидными племенами, пришедшими на Алтай из Центральной Азии.

Достоверно решить вопрос об этнической принадлежности населения пазырыкской культуры затруднительно. В настоящее время некоторые исследователи связывают пазырыкцев с отдельными группами, упоминаемыми в письменных источниках. Так, Н.В. Полосьмак на основании частой встречаемости в изобразительном искусстве фантастического образа – грифона, полагает, что в Горном Алтае жило самое восточное (по отношению к скифам) из упоминаемых Геродотом народов – “стерегущие золото грифы”. М.К. Кадырбаев связывает пазырыкскую культуру с сакской культурной общностью. С.И. Руденко, а за ним и другие считают, что пазырыкские племена это юэчжи, известные по китайским летописям (о юэчжи шла речь в предыдущем разделе). Первые сведения о юэчжи относятся к IV в. до н.э. Известно, что между юэчжи и хунну происходили военные действия с попеременным успехом. Так, в конце III в. до н.э. юэчжи держали в заложниках сына правителя хунну, которому удалось бежать,

и в 208 г. до н.э. он одержал над своими обидчиками победу. Но ожесточенная борьба продолжалась, она завершилась в 165 г. до н.э. полной и окончательной победой хунну.

На основании генетических исследований В.И. Молодин полагает, что пазырыкцы принадлежали к самодийской языковой группе. Он считает, что после разгрома пазырыкцев часть хунну ушла на север, к родственным приобским (большереченским) племенам, а затем постепенно передвинулась дальше по Оби, в таежную зону. Другая часть и население *каракобинской культуры* остались на месте, подверглись воздействию со стороны хунну и образовали новую археологическую культуру. Существует мнение, что часть пазырыкцев, в первую очередь знать, переместилась в Среднюю Азию, где приняла активное участие в военных и политических событиях.

“Царские” курганы. Первый этап пазырыкской культуры фактически является временем перехода от бронзового века к железному. Памятники этого времени изучены в очень малом количестве. Значительно полнее исследованы курганы следующего этапа, среди которых особенно выделяются так называемые “царские”. К ним относятся пять больших курганов *Пазырыка*, два кургана из урочища *Башадар*, два раскопанных у села *Туэкта* и один исследованный В.В. Радловым у села *Катанда*. Курганы *Шубе*, раскопанный М.П. Грязновым, был отнесен им к третьему периоду, однако в настоящее время курган датируют в пределах V–III вв. до н.э. Каждый из перечисленных курганов имеет свои индивидуальные особенности, но все же можно говорить об обобщенных для них чертах погребального обряда.

К моменту раскопок курганы представляли собой каменную наброску высотой в 2–3 м и диаметром до 50 м и более. Судя по всему, вначале сооружалась каменная крепида, и пространство внутри нее после совершения захоронения забрасывалось крупным камнем. Вероятно, насыпь имела коническую форму. В центральной части насыпи находилась одна могила. Глубина ее достигала 4–5 м от уровня почвы. Яму рыли при помощи деревянных лопат, кольев, колотушек и роговых мотыг – они сохранились в насыпи. В глубокую могилу спускались при помощи деревянных лестниц, их вертикальные основы были также найдены в курганах. Площадь ямы была примерно квадратной и достигала 50–55 м². Дно могилы обычно устилали битым камнем. Внутри ямы, отступив от ее стенок, сооружали бревенчатый сруб в несколько накатов. Иногда он был двойным. Предварительно сруб строили недалеко

от кургана, бревна помечали зарубками, затем его разбирали и вновь собирали уже в могиле. Пол сруба был застлан плахами, потолки чаще всего были бревенчатыми. Сверху они накрывались несколькими рядами берестяных полотнищ, иногда снятых с покрытия юрты. Ряды бересты часто перемежались мхом. Поверх них в ряде случаев зафиксированы слои коры лиственницы и кустарника курильского чая. В срубе помещали одногодвух погребенных, а между ним и стенкой могилы размещали лошадей, число которых колебалось от 7 до 16, а в Катандинском кургане были найдены 22 лошади, они лежали рядами, разделенными галечными прослойками. После захоронения пространство между стенами могилы и срубом, а также весь объем над потолком забивались рядами бревен и камнями.

Все перечисленные курганы оказались ограбленными еще в древности. Следы ограбления видны в виде западин в каменных насыпях. Во втором Башадарском кургане никаких следов ограбления в самой каменной наброске не было, она сохранилась неповрежденной. Но когда ее сняли, то в грунте выявились хорошо замаскированные следы грабительского лаза. С.И. Руденко полагал, что ограбление произошло сразу же после похорон, пока еще не соорудили каменную насыпь. Грабители унесли из всех курганов бронзовые и золотые предметы, но благодаря образовавшейся вечной мерзлоте в могилах многое сохранилось: одежда, войлочные, кожаные и деревянные изделия. Во втором Пазырыкском кургане для того, чтобы снять с умерших гривны и браслеты, грабители отрубили им головы, кисти рук и стопы.

Погребенные были положены головами на деревянные подушки в колоды-саркофаги, выдолбленные из стволов многовековых лиственниц или кедров и украшенные войлочными или берестяными аппликациями, а одна колода была покрыта вырезанными сценами терзания зверей. Стены срубов были завешены войлочными драпировками, украшенными различными аппликациями. Здесь же найден самый древний в мире ворсовый ковер. Пол зачастую покрывался войлочным ковром. На полу обычно стоял низенький стол на четырех ножках. Все это убранство повторяло привычную обстановку жилого помещения. В одном кургане на полу стояла шестинога, которую закрывали войлочным шатром и в каждой жгли коноплю и дышали ее дымом. Геродот указывает на подобное занятие у скифов, а на Алтае были найдены и сами приспособления для воскурения конопли. Широко представлена в захоронениях глиняная и деревянная посуда.

Как уже говорилось, в каждом кургане за пределами сруба лежали кони, которые были убиты ударом клевца в голову. Сохранилось их богатое убранство. Седла представляли собой две сшитые подушки, покрытые чепраком из войлока, украшенного аппликациями, или из шелка с китайской вышивкой. Головы отдельных коней покрывала маска в виде тигра и оленьих рогов или головы оленя. Хвост был заплетен косичкой и спрятан в расшитый узорами кожаный чехол. Гриву подстригали и покрывали войлочным нагривником с узорами. Уздечный набор и ременная упряжь были отделаны многочисленными деревянными фигурками в виде козлов, оленей, грифонов, кошачьих хищников, орнаментальных узоров и т. д. В Пятом Пазырыкском кургане обнаружена разборная деревянная колесница высотой около 3 м. Она запрягалась четверкой лошадей.

В могиле чаще всего находились останки мужчины и женщины, реже – только одного мужчины, а в кургане Шибе – старика и ребенка 7 лет. Все трупы были мумифицированы. Но все равно они бы не сохранились до настоящего времени, если бы в курганах не было мерзлоты. Особо обращает на себя внимание мужчина из Второго Пазырыкского кургана. Его тело было почти сплошь покрыто татуировкой – фигурами мифических оленей с клювом, горного барана, крылатого тигра. На ногах от коленей до пальцев размещались фигуры налива, горных козлов и мифического хищника (рис. 19, 1). Совсем недавно ученые с помощью специальных анализов обнаружили татуировку и на остальных мумиях из Пазырыка.

Хорошо сохранилась одежда погребенных. На нее, вероятно, были нашиты золотые бляшки и пластины, но почти все они были содраны грабителями. Так, в Катандинском кургане была найдена шуба, верх которой покрывал чешуйчатый узор из кусочков горностаевого меха. На ее поверхности было нашито более 5000 деревянных и кожаных бляшек, обтянутых листовым золотом, которое и было содрано грабителями. Также они поступили и с короткой меховой курткой. А сами шубы оказались заброшенными на верх сруба. В.В. Радлов, раскопавший этот курган в XIX в., писал, что в Катандинском кургане на балке перекладки найдена “одежда из собольего меха, похожая на фрак, покрытая шелковой материей и украшенная по краям кожей и пластинками золота... ниже найдена вторая одежда, сшитая из горностаевого меха, выкрашенного в зеленый и красные цвета”.

“Царские” курганы датируются в пределах V–III вв. до н.э. Весь богатый материал, найденный в них, дает достаточно информации для реконструкции жизни общества.

Погребения знати долины Укок. Целый ряд курганов дает нам возможность познакомиться с положением второго по рангу слоя пазырыкского населения. Они раскопаны на плоскогорье *Укок*. Погребальный обряд в основном повторяет “царские” курганы. Каменная насыпь была укреплена кольцевой крепидой диаметром 18–20 м, высотой около 1 м. Рядом с курганами знати, как и рядом с курганами вождей, стояли высокие камни и ряды поминальников, каждый из которых представлял собой кольцо, сложенное из поставленных на ребро плоских плит. Внутри их обнаружены следы кострищ и отдельные кости животных. Глубина могильной ямы и ее площадь были меньшими, чем в “царских” курганах. Погребенные лежали в листовенничных колодах. Число коней, сопровождавших погребенных, колебалось от 1 до 9. Почти все курганы содержали мерзлоту, а некоторые из них оказались неграбленными.

Особый интерес представляют два кургана из могильника *Ак-Алаха*. В одном из них находились две колоды – два саркофага. Их крышки были плотно забиты деревянными кольями, для которых были сделаны специальные отверстия. В могиле были погребены мужчина и женщина, каждого из которых сопровождало оружие: железные кинжалы, колчан с костяными наконечниками стрел и остатки лука. Головы покоились на деревянных подушках. Прекрасно сохранились кожаные, деревянные и матерчатые изделия: предметы украшения конской упряжи, одежда, головные уборы, резные деревянные украшения, деревянный щит. Некоторые украшения были обтянуты золотой фольгой. Оригинально выглядели предметы конского снаряжения. Из них прекрасно сохранились деревянные фигурки грифонов, лебедей, подвески, псалии. Седла были покрыты чепраками, от которых вниз свисали по четыре крупных войлочных фигурки рыб или волков.

Второй курган не входил, в отличие от всех пазырыкских курганов, в состав могильников, а был одиночным. Его спасла от ограбления случайность. Через два века после сооружения кургана в него было впущено богатое погребение. Могила дошла до бревенчатого перекрытия пазырыкского склепа, разрубить перемерзшие бревна которого оказалось практически невозможным. Это верхнее богатое погребение было вскоре ограблено. Грабители посчитали эту могилу единственной в кургане, что и спасло основное погребение от разграбления (рис. 20). Оно принадлежало молодой женщине. На дне склепа была выложена галька и поверх нее постелен черный войлок. За пределами склепа было найдено несколько взнузданных

коней. Погребенная лежала в колоде из листовенницы, украшенной кожными аппликациями. Крышка была забита медными гвоздями. Женщина была укрыта меховым одеялом с аппликациями из золотой фольги. Тело ее мумифицировано, на руках сохранилась татуировка, являвшаяся знаком особого положения в обществе (см. рис. 19, 2). На женщине были надеты шелковая рубаша, шерстяная двухцветная юбка и длинные войлочные чулки, закрывающие бедра и украшенные по краю красной аппликацией (рис. 21). Хорошо сохранилась прическа, представлявшая собой единое целое с головным убором. Обнаружены серебряное зеркало, деревянные, роговые и глиняные сосуды и многочисленные резные деревянные украшения. Найдено лишь одно золотое изделие в виде тонких колечек, в других случаях это была золотая фольга, покрывавшая деревянные изделия. Н.В. Полосьмак полагает, что эта женщина занимала особое положение в обществе, так как ее курган стоял одиноко, вне курганных родовых могильников, тело татуировано, сопровождавший инвентарь достаточно богат. И наконец, она была погребена одна, а не как сопровождавшая умершего мужчину.

В другом могильнике Укока *Верх-Кальджин II* также обнаружены замерзшие неграбленные курганы. В одном из них тело мужчины настолько хорошо сохранилось, что из него можно было выделить клетки на генетический анализ. Интересны найденные здесь деревянные модели кинжалов с ножнами (рис. 22, 3). В другом кургане обнаружена женщина, положенная без одежды на погребальное досчатое ложе и покрытая черной материей. Никакие предметы, даже сосуды, которые встречаются в каждом погребении, с ней не были обнаружены, что также говорит о ее особом, видимо, низшем, положении в обществе.

Погребения рядового населения. Такие погребения наиболее ярко представлены в могильниках Восточного Алтая – *Юстыд*, *Уландрык* и др. Погребальный обряд – типичен для пазырыкской культуры. Каждый могильник состоит из цепочки курганов. Диаметр каменной насыпи колеблется от 2 до 15 м, высота – от 20 до 100 см. Многие захоронения здесь были ограблены. Около курганов стояли одинокие высокие камни – балбалы, и тянулись линии поминальников из камней, поставленных на ребро. Глубина ямы достигала 2 м. Дно ямы покрывалось плитами или галькой. В нее спускался листовенничный сруб в 2–3 венца, зачастую покрытый плахами и листовенничной корой, пол сруба мог быть деревянным. За его пределами погребали коней (одного с женщиной и двух-трех –

с женщиной). В срубке на досчатом погребальном ложе в скорченном положении лежали умершие. Захоронения чаще всего были одиночными, реже – парными, в единичных случаях – тройными. Детей чаще хоронили в деревянных колодах.

Орудия труда в захоронениях представлены железными ножами, вооружение – остатками лука, костяными наконечниками стрел, бронзовыми чеканами и деревянными моделями небольших кинжалов. Встречены бронзовые зеркала и их деревянные модели, золотые сережки, железные и деревянные предметы конской упряжи. Несмотря на отсутствие в этих могильниках вечной мерзлоты из-за короткого лета и каменной насыпи здесь достаточно хорошо сохранились различные деревянные изделия: диадемы, остатки гривен, поясные бляшки, разнообразие фигурки животных, среди которых часто встречаются олени, горные козлы, птицы, кошачьи хищники, волки, грифоны и т. д. Некоторые из таких фигурок были обложены золотой фольгой. Обнаружены кожаные аппликации и остатки плохо сохранившейся одежды. Предметы одного из курганов могильника *Уландрык* представлены на рис. 23.

Коллекция керамики наиболее полно представлена в могильниках *Тыткескена*. Это кухонная и столовая посуда. Здесь выделяются кувшины и кувшинообразные сосуды, расписанные красной краской (охрой), а также серой и черной красками. Роспись может быть геометрической, бесформенной и часто змееподобной.

Количество находок в курганах было неравномерным: в отдельных захоронениях они были многочисленными, в других – единичными или даже отсутствовали вовсе.

Быт населения. Сохранившиеся деревянные, кожаные, войлочные и тканевые изделия дают возможность реконструировать быт древнего населения. Хотя поселения почти не исследованы, можно полагать, что пазырыкцы жили в юртах и многоугольных домах: сруб одного из могильников был сложен из старых бревен, ранее составлявших стены многоугольного дома. Пол в домах, как и в погребениях, был деревянный, застланный войлоком, на стенах висели войлочные ковры. Перекрытие было деревянным, сверху застеленным вываренными полотнищами бересты и листовенничной корой. Пазы между бревнами заделывали мхом. В доме стояли низкие столики. Люди сидели на войлоке, так скрестив перед собой ноги, что хорошо была видна подошва обуви (в пазырыкском кургане найдены меховые сапожки, подошва которых была расшита бисером и явно предназначалась для обозрения при сидении на полу со скрещенными ногами). Жителям этих

мест известно было и обкуривание коноплей. Поскольку приспособления для этого были найдены только в одном “царском” кургане, можно полагать, что обкуривание было привилегией определенных кругов общества.

Одежда и бедных, и богатых пазырыкцев была однотипной, но отличалась качеством материала. Так, верхняя одежда в “царских” курганах была сшита из дорогих мехов: соболя, белки и горностая. В одном случае она даже покрыта китайским шелком, в другом – многочисленными деревянными бляшками-пуговицами, обтянутыми золотой фольгой. В могилах Укока верхняя одежда была сшита из овчины и меха сурка и лишь для отделки использовали дорогие меха. Покрой верхней одежды одинаков. Шубы были короткими (в таких удобней ездить на конях), без воротников и с длинными узкими рукавами, которые выполняли роль рукавиц. В двух случаях найдены короткие шубы с длинным “хвостом” сзади. Этнографические параллели говорят о том, что на него садились во время работы. Горло и грудь спасали меховым нагрудником, расшитым сухожильными нитями. Найден один кафтан из двойного тонкого войлока. Шубы чаще всего надевали на голое тело мехом внутрь. Найдены только две рубахи. Одна, полотняная, была надета на вождя из Второго Пазырыкского кургана, другая, из китайского шелка, – на знатную женщину из Ак-Алаха. Мужчины и одна из женщин носили красные штаны, спускавшиеся ниже колен и зауженные внизу: так на них легче было надевать меховые сапожки типа унтов. Штаны были изношенными на коленях и сзади, что свидетельствует не о специальной погребальной одежде, а об обычной, бытовой. На двух женщинах были надеты длинные шерстяные юбки, сшитые из нескольких разноцветных горизонтальных полос. На всех погребенных были обнаружены высокие чулки из тонкого войлока. Они могли быть расшиты узорами по краю.

Как в бедных, так и в богатых погребениях особое место занимали прически и головные уборы. Женский головной убор и прическа представляли собой единое целое. Такой убор хорошо сохранился в кургане Ак-Алаха, в погребении знатной женщины. Он был изготовлен из войлока, ткани, волос, специальной растительной массы и деревянного каркаса. Это было целое художественное произведение, украшенное деревянными фигурками, обтянутыми золотой фольгой. Его надевали на обритую голову. Над прической с прямым пробором возвышалось длинное наверхие в виде пера с нашитыми золотыми фигурками птичек (см. рис. 21). Не менее сложными были сооружения на головах женщин из пазырыкских

курганов. Деревянные детали париков сохранились и в рядовых курганах. Мужчины брили головы не полностью, оставляя на макушке длинные волосы, которые заплетались в косы. Найдены головные войлочные уборы в виде шлемов. Они завершались фигурой или головой птицы и были украшены деревянными фигурками коней и оленей. В “царских” курганах шлемы завершались художественно выполненными головами грифонов с головой оленя в пасти (рис. 24).

Экономика. Основой хозяйства населения этих мест было полукочевое скотоводство, в котором главное место занимало коневодство. Разводили коней двух пород: основная масса была представлена небольшими местными неприхотливыми лошадьми, круглый год они содержались на подножном корму, зимой добывая его из-под снега. Узнати были высокорослые холеные породистые кони, предки современных ахалтекинцев, они содержались на зерновых кормах. Предполагают, что их могли завозить из Средней Азии. Второе место в хозяйстве отводилось крупному рогатому скоту, который использовался главным образом как транспортное средство. Затем следуют курдючные овцы, дающие мясо в пищу и шерсть для тканей и производства войлока. Частые изображения петухов говорят о том, что население разводило кур. Основу питания составляли мясо и молочные продукты. Так, в двух курганах найден сохранившийся сыр. С домашним скотом пазырыкцы совершали переходы с пастбища на пастбище в легко перевозимых жилищах типа войлочных юрт. Зимой жили оседло в деревянных домах-срубах, как уже говорилось, иногда дома были многоугольными. О таких домах и их убранстве рассказывают срубные погребальные камеры.

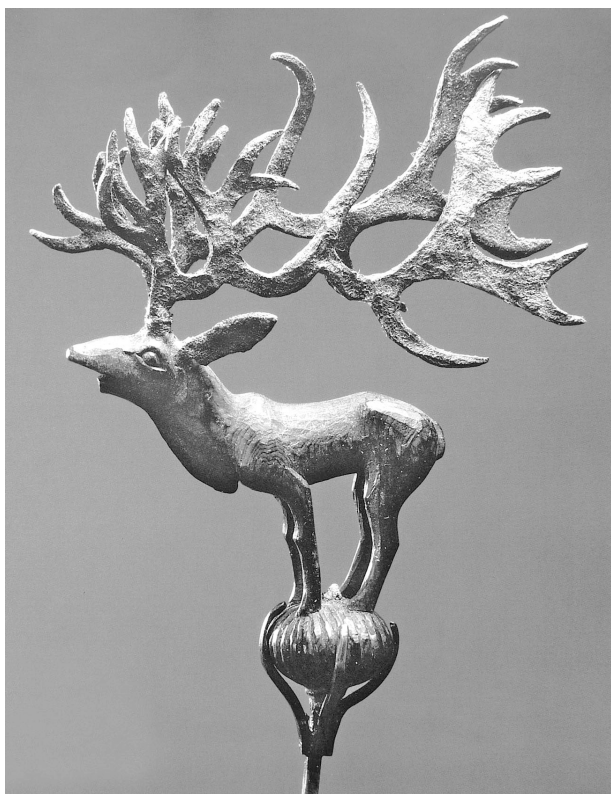
Климатические условия в высокогорных районах не дают возможности заниматься земледелием. Поэтому считалось, что пазырыкское население его не знало. Однако последние находки, видимо, заставят пересмотреть эту проблему. В насыпях ряда курганов найдены каменные жернова, состоящие из двух дисков – достаточно совершенных орудиях помола зерна на муку. Видимо, население занималось земледелием в более низкогорных районах. Охота хотя и занимала по сравнению со скотоводством второстепенное место, но все же имела существенное значение. Об этом говорят находки рогов оленя, мех белки, сурка, соболя, горносталя, выдры и т. д. Охотились на лосей, диких коз и баранов.

Определенного уровня достигло и ремесло. Бронзовые орудия и оружие еще не были полностью вытеснены железными, что объяснялось до-

статочным количеством медной руды и высоким ее качеством (основного сырья для получения бронзы) на Алтае. Из золота чеканили украшения одежды и сбруи. В обработке кожи, меха и шерсти население Алтая добилось изумительных результатов. Здесь умели изготавливать пять различных видов войлока, в том числе и очень тонкого. Украшали войлочными и кожаными аппликациями чепраки, ковры, одежду. Из кожи изготавливали сумки, различную посуду. Кожу расшивали узорами из сухожильной нитки. Высокого мастерства достигла и обработка дерева, причем вся тонкая художественная резьба выполнялась ножами. Умели ткать различные шерстяные материи. Достаточно трудоемким было изготовление роговых сосудов.

Находки из “царских” курганов дают возможность говорить о торговых связях местного населения с соседними регионами. Из Китая получали шелк и шелковые вышитые изделия. Так, шелковой оказалась женская рубашка в одном из захоронений, шелком покрыты седельные чепраки, меховая шуба. В Китае были сделаны и два бронзовых зеркала, сопровождавших погребенных. Интенсивными были связи с Ираном, осуществляемые через Среднюю Азию. В Пазырыкском кургане найден самый древний в мире сохранившийся ковер: многокрасочный, ворсовый, стриженный, он явно происходил из Передней Азии. Из Средней Азии на Алтай доставляли пряность (семя кориандра), верблюжью шерсть и мех гепарда. Явно привозными были выточенные на токарном станке ножки низких столиков.

Социальные отношения. Вопрос о характере общественных отношений является дискуссионным. Совершенно очевидным было наличие резкой имущественной дифференциации. С одной стороны встречаются безынвентарные или очень бедные погребения. С другой – такие богатые, как Пазырыкские, Башадарские и другие курганы. Выделившаяся знать резко возвышалась над основной массой населения. С.И. Руденко полагает, что в самых величественных курганах были погребены вожди племен, в курганах следующего ранга – вожди родов и фратрий. Скот являлся собственностью отдельных семей, а пастбища находились в пользовании родов. М.П. Грязнов отмечает сильные родовые традиции в жизни населения и эксплуатацию свободных соплеменников, которые общими усилиями сооружали курганы своих вождей. По подсчетам исследователя, для сооружения одного кургана требовалось не менее 3000 человеко-дней тяжелого физического труда. Под властью вождя находилось не менее 14 родов. При этом М.П. Грязнов исходит из числа коней,

Фото 8. Навершия из Пазырыкских курганов.

1 – олень – навершие. Дерево, кожа. Второй Пазырыкский курган; 2 – голова оленя в клюве грифона. Дерево, кожа (по: *Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1958; с. 55, рис. 37).

положенных в могилу вождя. Так, в четырех курганах найдено по 14 коней, причем все кони из одного кургана имеют различные метки (разрезы на ушах). Видимо, каждый род преподносил в дар умершему по одному коню. По мнению А.И. Мартынова, общество делилось примерно на четыре различные категории. Он полагает, что уже существовала организованная власть, характерная для ранних государственных образований. Причем глава государства одновременно выполнял и религиозные функции.

Общество было патриархальным. Мужчины занимали более высокое положение. Поскольку найдены отдельные богатые погребения женщин (Второй Туэктинский курган и Ак-Алаха-3), можно полагать, что женщины, сопровождавшие мужчин в ряде “царских” курганов не были женами или наложницами. Н.В. Полосьмак отмечает особое положение некоторых женщин. Так, молодая женщина из Ак-Алаха-1, погребенная вместе с мужчиной лет 50, была одета в мужскую одежду, мужской войлочный шлем и сопровождалась она железным оружием (кинжалом и чеканом) и луком со стрелами. Женщина из Второго Туэктин-

ского кургана была погребена в огромном кургане и сопровождалась восемью взнузданными конями. Но курган был полностью ограблен, что не дает возможности сделать полные выводы об общественном положении этой женщины. Женское погребение из Ак-Алаха-3 сохранилось полностью, и показателем высокого положения в обществе умершей женщины служит просторная погребальная камера, листовенничный саркофаг-колода, украшенный кожаными аппликациями, сопровождение шестью богато украшенными конями, сложное бальзамирование тела, шелковая рубаша и редкое благовоние – кориандр. Все это говорит о том, что и в патриархальном обществе некоторые женщины занимали высокое положение.

Рядовое население делилось на несколько категорий, среди которых были люди, занимавшиеся земледелием в речных долинах, небогатые скотоводы, ремесленники, создававшие изделия, найденные в курганах, и слуги, челядь, служившая знати. Вероятно, имелись и немногочисленные рабы. Опорой власти была армия. Разграбленность “царских” курганов, отсутствие вследствие этого в погребениях вооружения не позволяет более полно

реконструировать состав армии. И о ней мы можем говорить приблизительно. О наличии крепкой армии у юэчжи сообщают китайские источники. Видимо, основой этой армии являлась аристократия. Воинами были и рядовые общинники. В.Д. Кубарев отмечает, что многие (но далеко не все) из рядового населения были вооружены чеками и кинжалами или их моделями. Трудом этого населения создавались огромные курганы с их богатым содержимым. Видимо, в обществе уже шло выделение “специальной” армии, что характерно для начала образования государственной власти.

Искусство. Находки в курганах с мерзлотой дают возможность достаточно полно говорить об изобразительном искусстве пазырыкского населения. Из найденного в захоронениях больше всего предметов декоративного искусства. В распоряжении исследователей находятся уникальные войлочные изделия с художественными аппликациями и вышитыми узорами. Поскольку войлок – это обычный продукт производства скотоводов, можно полагать, что подобные изделия имелись и в других курганах скифо-сибирского мира, только они не дошли до нас. Из войлока делали художественные многоцветные ковры разных размеров, обувь, одежду (вплоть до чулок), чепраки для коней, войлочные подвески к седлам в виде рыб, волков и т. д. (см. рис. 22. 1). Многочисленные скульптурные деревянные украшения конского набора, головных уборов отличаются художественностью и живостью изображения. В основ-

ном они выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. В деревянной скульптуре отдельные детали (рога оленей, крылья птиц и грифонов) делали из твердой кожи (фото 8, 1). Сцены борьбы зверей можно было бы принять за картинки из реальной жизни, настолько они правдивы. Но все эти сцены и сами изображенные животные имели мифологическую основу. Особенно часто изображали мифического животного – грифона, соединяющего в себе черты кошачьего хищника и рогатого оленя с клювом птицы (см. фото 8, 2).

В эпоху распада родового строя и зарождения государства в обществе обычно возрастает интерес к героическому эпосу, порожденному жизнью, богатой военными событиями. Как правило, героические поэмы пели сказители под звучание музыкальных инструментов. В двух “царских” курганах сохранились четырехструнные инструменты местного изготовления – типа арфы. Вероятно, под их звуки напевно вели свой рассказ местные акыны, и в их сказаниях оживали те фантастические и реальные животные, которые так любовно воспроизведены в дереве и в войлочных изделиях.

Высокоразвитое искусство, реалистическое по своей форме и мифологическое по своему содержанию, исчезло после того, как значительная часть обитателей этих мест и носителей этой культуры ушла на север и в Среднюю Азию, а сюда пришли хунну, культура которых приобрела первостепенное значение в следующий период развития населения Алтая.

САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА

На лесостепной территории Зауралья и Западной Сибири выявлены и изучены памятники различных археологических культур, относящиеся к эпохе раннего железного века. Не все они относятся к кругу культур скифо-сибирского мира, неся в себе черты и других культурных традиций. Однако на этой территории зафиксированы яркие культуры, которые бесспорно можно считать неотъемлемой частью скифо-сибирского мира. В первую очередь остановимся на материалах *саргатской культуры*, которая распространялась на огромной территории и сыграла большую роль в жизни населения лесостепной части Западной Сибири. Саргатские племена расселялись от восточных предгорий Урала и, примерно, до среднего течения реки Омь. Памятники этой культуры встречаются на берегах Ишима, Тобола, Иртыша и на Оми. По современному административному делению основная часть территории, занимаемая некогда саргатскими племенами, приходится на Россию, а южная ее периферия находится в Северном Казахстане.

Располагаясь на огромных пространствах и соседствуя с различными инокультурными племенами, саргатская культура не была единой на всей территории. Прослеживаются определенные культурно-специфические черты в различных регионах ее распространения. Можно говорить об особенностях культуры в Приомье, Прииртышье, Притоболье и Приишимье. Однако в дальнейшем не будем останавливаться на этом и рассмотрим единые, общекультурные черты, присущие всей саргатской культуре.

История исследования. Культура получила свое название по курганам у села Саргатка на левом берегу Иртыша, недалеко от Омска, раскопанным в 1927 г. В.П. Левашевой. Позже памятники саргатской культуры изучались В.И. Мошинской и В.Н. Чернецовым, который первым отнес племена этой культуры к уграм. В 60–70-х гг. XX в. памятники саргатской культуры интенсивно изучались экспедициями Уральского университета,

возглавляемыми В.Ф. Генингом. Значительную роль в изучении этой культуры сыграл В.А. Могильников. В последнее время широкие исследования на Ишиме и в Притоболье проводились Н.П. Матвеевой, в среднем течении Оми (в Барабинской лесостепи) раскопки вели В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак. Интересные раскопки на территории Омской области были организованы В.И. Матющенко. Обобщающие работы по всей саргатской культуре написаны Л.Н. Коряковой и Н.П. Матвеевой.

Вопрос о происхождении саргатской культуры – дискуссионен. Все исследователи отмечают два элемента, сыгравших определенную роль в ее сложении: во-первых, это местное население эпохи бронзы и переходного (от бронзы к железу) периода, и, во-вторых, проникавшие в лесостепь группы кочевников из Северного Казахстана. Как полагают некоторые авторы (Н.П. Матвеева), непосредственно саргатская культура складывалась на территории Прииртышья на базе позднеирменской культуры. Так, на Оми известны поселения VII–VI вв. до н.э., где наряду с преобладающей керамикой позднеирменского типа встречаются обломки, характерные для саргатских сосудов. В таком случае можно считать, что из Прииртышья население продвинулось на запад, вплоть до Тобола, где самые ранние саргатские памятники датируются концом V в. до н.э. Пришлые племена поглотили местное население. По мнению других авторов (В.А. Могильников, Л.Н. Корякова), саргатская культура формировалась постепенно на всей своей территории, всюду на базе своих племен эпохи ранней бронзы и переходного периода.

В настоящее время в результате исследований саргатская культура датируется временем от VII–VI вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. На основании изменений в наборе и облике бытовых вещей и в погребальном обряде считается, что эта культура в своем развитии прошла несколько этапов. Самый ранний из них датируется VII–началом V в. до н.э. Это переходный период, время сложения саргат-

ской культуры. Памятники этого периода известны пока только в Прииртышье (на Оми). Следующий (или первый) этап длится с конца V по начало III в. до н.э. В это время саргатская культура прослеживается на широкой территории от Зауралья до Приомья. Далее следует период со второй половины III до I в. до н.э. Последний, третий, этап датируется временем с I по IV–V вв. н.э. Многие исследователи, вслед за В.Н. Чернецовым, относят население саргатской культуры к уграм. Антропологические данные свидетельствуют о его европеоидности.

Памятники саргатской культуры. Известно более сотни археологических памятников этой культуры: поселения, городища и курганы. Останемся вначале на поселениях.

Поселения саргатской культуры прошли определенный путь развития. Самые ранние из них открыты на Оми. Они относятся к переходному периоду и датируются VII–VI вв. до н.э. Полнее других в Барабе исследовано поселение *Туруновка-4*. Раскопаны три полуземлянки площадью до 180 м², глубина котлованов достигает 1,2 м. По своей конструкции такие жилища явно восходят к строениям эпохи поздней бронзы. В западной и центральной территориях распространения саргатской культуры таких ранних поселений нет, они появляются лишь в V–IV вв. до н.э.

На первом этапе саргатской культуры поселения были долговременными, прослеживаются следы неоднократных перестроек жилищ. Встречаются неукрепленные поселения и городища. Рядом с городищами обычно расположены обширные неукрепленные селища, где и жила основная часть населения.

Наиболее интересным памятником этого времени является *Рафайловское городище* на реке Исеть (приток Тобола, Тюменская область). Оно состоит из двух расположенных рядом укрепленных площадок, за пределами которых находится большое неукрепленное селище (рис. 25, 1). Жилые помещения цитадели были однокамерными и имели небольшую площадь. В них, видимо, население пряталось во время вражеских нападений. Жилища на селище, за пределами оборонительных сооружений, были большими, многокамерными. К основному помещению пристраивались многочисленные хозяйственные камеры, все они соединялись крытыми коридорами. Так возникали многокамерные постройки, которые усложнялись в результате перестроек (рис. 26). Жилища отапливались открытыми очагами. Оборонительная система городища, состоявшая из рва и вала, тоже имеет следы неоднократных перестроек. Вся

площадь городища была очень плотно застроена. Культурный слой здесь насыщен находками, которые датируются V–III вв. до н.э.

Столь же внушительным выглядит полностью раскопанное *городище Ак-Тай*, расположенное по среднему течению реки Ишим в Северном Казахстане. И оно также датируется V–III вв. до н.э. Это самый южный форпост саргатской культуры. Вал был сложен из суглинка, смешанного с глиной, высота вала достигала 2 м, ширина основания – 3,5 м. По его верху еще на 2 м возвышался деревянный частокол. Таким образом, общая высота вала достигала 4 м. Внешняя наклонная его стенка обшивалась горизонтальными плахами. У подошвы вала был выкопан глубокий ров. Вход в городище надежно защищался привратной башней и сложной лабиринтной системой у ворот. Жилая застройка городища была очень плотной: ряд домов примыкал к оборонительной системе и являлся составной частью ее конструкции. Насыщенность культурного слоя находками достаточно велика. Все это свидетельствует о длительной и прочной оседлости саргатского населения на первом этапе своего существования.

Для второго и третьего этапов характерны недолговременные поселения: городища и неукрепленные селища. Укрепления саргатских городищ многообразны. Как правило, они состоят из наружного рва и внутреннего вала, дополнявшихся иногда бревенчатой стеной. Жилая застройка стала более разряженной по сравнению с поселениями первого этапа. Жилища были однокамерными и многокамерными, с различными хозяйственными пристройками, как и прежде, соединенными с основным помещением крытыми переходами. Пристройки предназначались для хранения пищевых запасов, для содержания домашнего скота и для занятия металлургическим производством. Культурный слой в этот период менее насыщен находками, чем памятники первого этапа. Можно полагать, что оседлость не была прочной.

Интересно поселение *Дуванское-2*, датируемое рубежом эр. Здесь выявлена производственная площадка, на которой была сооружена кузница. На полу постройки обнаружены шлаки, кусочки окислившегося железа, угли. Это первое документальное свидетельство появления собственной черной металлургии в Западной Сибири.

Особенно многочисленны погребальные памятники саргатской культуры – курганные могильники. При этом сам погребальный обряд весьма своеобразен, саргатские курганы отличаются от таких же сооружений других культур. К сожалению, многие из раскопанных курганов

оказалась разграбленными. Некоторые исследователи предполагают, что значительная часть знаменитой “Золотой коллекции Петра I” происходила именно из этих районов.

Для погребального обряда саргатских племен характерно наличие курганов. Они расположены группами, в состав которых входит до 40 насыпей. Обычно курганы оказываются связанными с определенными поселениями. Сооружались курганы из пластов дерна и первоначально имели вид усеченной пирамиды. В настоящее время грани пирамид заплыли.

Что касается погребального обряда, то отдельные его детали различаются у населения Оми, Тобола и Ишима. Остановимся на их основных, самых ярких чертах. Характерной особенностью большинства курганов являлся ров, окружавший площадку вокруг могил. Он был в плане кольцевидным или многоугольным. При его рытье земля (материк) выбрасывалась в сторону центра и образовывала невысокий валик – ограду, охранявшую могилы. В отдельных случаях сооружались два или три концентрических рва (см. рис. 25, 2).

Для многих курганов саргатской культуры типично присутствие свидетельств культа огня. Это остатки кострищ, обжигание стенок камеры, возведение костра на перекрытиях могил, углистая или меловая подсыпка. В ряде могил следы огня отмечены на скелетах. Подобный обряд был известен и у сарматов – у них он представлен даже значительно чаще и ярче. Другой особенностью погребального обряда, значительно проявившейся на притобольских курганах, было сооружение деревянных платформ вокруг центральной могилы. Они состояли из двух-трех рядов бревен, уложенных прямо на почву, на выброшенную из могильной ямы землю. Нижний слой платформы складывали концентрическими кругами. Поверх него шел слой из радиально направленных длинных стволов, заходивших и на перекрытие могилы. Иногда еще выше шел дополнительный ярус из тонких бревен, прикрывавших щели в платформе. Если совершались дополнительные подзахоронения, конструкцию частично разбирали и сооружали могилу.

На ранних этапах развития саргатской культуры обычно под насыпью находилась одна, реже две могилы. Рассмотрим их на примере *Красногорского кургана*, расположенного в курганной группе на берегу реки Исеть. Судя по описаниям XIX в., высота кургана достигала 7 м. Он неоднократно распаивался, и к моменту раскопок, проведенных Н.П. Матвеевой, высота его составляла 80 см. Курган содержал одну могилу и был окру-

жен многоугольным рвом и земляной оградкой из выброшенной земли. Вокруг могилы была сооружена деревянная платформа высотой до 60 см. Она состояла из двух рядов крупных бревен и представляла собой многоугольник. Могила площадью более 11 м² имела стены, облицованные досками, и пол, застланный берестой. Она была ограблена. Со скелетом воина сохранилось более ста бронзовых наконечников стрел, относящихся к V–началу IV в. до н.э., панцирь из костяных пластинок, изготовленные из бронзы топорик, подвеска и крупный котел, золотая бляшка с изображением свернувшегося хищника. Видимо, до разграбления это было богатое погребение знатного воина.

Со II в. до н.э. резко доминирует обычай размещать впускные погребения вокруг центрального. Обычно они располагались по кругу. Но имелись отдельные курганы, в которых находились одна или две могилы – это погребения знати. Известен один такой курган с неразграбленной богатой могилой, его раскопал в Омской области у села *Сидоровка* В.И. Матюшенко. Высота этого кургана достигала 2,5 м, диаметр – около 50 м. Центральная могила была ограблена, а вторая хорошо сохранилась. Ее размеры составляли 3 × 5 м, глубина – 2,25 м. Погребение было перекрыто тремя слоями березовых плах, лежавших перекрестно друг на друге. Сверху находилось захоронение женщины, которое было полностью разграблено. Грабители, видимо, решили, что глубже ничего нет, и оставили нетронутым богатое погребение воина. Вместе с ним были положены железные кинжал, боевой топорик, копьё и пластинчатый доспех. Горкой лежали наконечники стрел и золотые украшения. Среди последних особо выделяются парные поясные пряжки, на которых изображена сцена борьбы тигра с драконом. Пряжки инкрустированы камнями. Пол могилы был застлан циновкой. В.И. Матюшенко датирует погребение в пределах III–I вв. до н.э. (рис. 27).

Инвентарь и оружие. Наиболее полно в саргатской культуре представлена керамика (рис. 28). Она хорошего качества, ее формы и орнаментация стабильны. Часты яйцевидные и круглодонные сосуды с прямым или отогнутым венчиком. По своей форме они делятся на горшки, кувшины, чаши и блюда. Последние считаются особенностью саргатской керамики. Орнамент наносился чаще всего узкой полосой на плечики или горло сосуда. Встречаются сосуды, у которых орнаментированы тулово и придонная часть. Это ряды елочек, наклонных линий, фестоны и др. Орнаментация выполнена в резной и накольчатой технике. Встречаются оттиски гребенки. Столовая

посуда широко представлена в погребениях, встречается она и на поселениях. Как правило, этот тип посуды изготовлен более тщательно и имеет разнообразную орнаментацию. Особое место занимают небольшие глиняные блюда – алтарики, круглые или овальные. На их внутренней поверхности сохранились следы мела и охры, видимо, эти алтарики служили краскотерками и имели ритуальное назначение. Вся перечисленная керамика выполнена ручной лепкой, наряду с ней в небольшом количестве встречается привозная среднеазиатская посуда, изготовленная на гончарном круге.

Из орудий труда при раскопках погребений найдены многочисленные железные ножи и тесла. Интересны такие находки, как тигль и сопла для поддува воздуха в горны при выплавке железа. Пряслица чаще всего изготовлены из обломков сосудов, игольники – из трубчатых костей. Широко распространены костяные проколки. С рыбной ловлей связаны каменные грузила и поплавки для сетей в виде мотков бересты.

Хорошо представлено оружие – как наступательное, так и оборонительное. К наступательному относятся железные мечи, кинжалы (акинаки) и многочисленные наконечники стрел: вначале бронзовые скифского типа, а потом железные, реже встречаются костяные наконечники. Обращает на себя внимание большое количество бронзовых наконечников (до 100 и более экземпляров) в отдельных могилах. Оборонительное оружие представлено доспехами. Панцирь был костяным пластинчатым, изредка в его состав включались железные пластинки. Конская упряжь представлена железными удилами, псалиями и уздечными пряжками и бляшками.

Многочисленны украшения и предметы туалета. Бусы изготавливались из полудрагоценных камней, золота, серебра и бронзы, стекла, янтаря и др. Браслеты были сделаны из бронзы или были наборными из бус. Встречены перстни, зеркала, подвески, костяные гребни, заколки, различные бляшки.

Экономика и социальные отношения. Археологический материал дает возможность реконструировать экономику и социальные отношения населения саргатской культуры. Хозяйство имело комплексный характер, при этом его основой было скотоводство, примерно 90 % найденного остеологического материала принадлежит домашним животным. Вначале в составе стада было примерно поровну крупного рогатого скота и лошадей. Этот факт, а также наличие долговременных поселений свидетельствуют о том, что скотовод-

ство на первом и в начале второго этапа саргатской культуры было пастушеским. Оно было в основном придомным, что не исключало отгона части стада летом на отдаленные пастбища. Разведение крупного рогатого скота носило мясо-молочный характер (найденные кости относились чаще всего к старым животным). Коней же разводили в основном на мясо (кости прежде всего относились к молодым особям), реже встречены кости старых особей, вероятно, это были верховые кони. К концу второго периода среди домашнего скота увеличивается численность лошадей, резко возрастает значение отгонного скотоводства. Оно становится подвижным, летом стада перегоняли уже на значительное расстояние. Отдельные исследователи даже говорят о кочевом характере скотоводства саргатского населения (Л.Н. Корякова), однако, по мнению большинства авторов, это не подтверждается археологическим материалом. Интересно указать и на наличие на Тоболе верблюдов, кости которых встречены на отдельных памятниках, например, в Рафайловском городище. Вероятно, это были узловые пункты караванной торговли. Как полагает Н.П. Матвеева, на этих пунктах происходила выбраковка животных, ослабевших за время длительного пути.

Население саргатской культуры занималось и земледелием. Развита была охота. Охотились прежде всего на лося, кабана, оленей, косулю и других мясных животных, а также на водоплавающую дичь. Находки костей и чешуи рыб говорят о существовании рыболовства. Ремесло носило домашний характер. Бронзолитейное производство особенно было развито на первом этапе саргатской культуры, когда железо еще не вошло прочно в жизнь населения. На Рафайловском городище выявлены бронзолитейные производственные участки с обломками литейных форм, тигля и бронзового лома, предназначенного для переплавки.

Особо надо остановиться на черной металлургии саргатской культуры. О ее развитии рассказывают находки железного шлака, глиняных сопел и остатки горнов. Выше уже говорилось о поселении Дуванское-2, на котором были найдены остатки кузницы. Анализ железных изделий саргатской культуры привел Н.М. Зинякова к выводу о развитости черной металлургии. В целом железо, особенно в начале существования саргатской культуры, было дорогим и престижным материалом: его могли использовать для изготовления железных украшений с применением инкрустации из камня, серебра и меди. Позже железо получает широкое распространение в хозяйственной сфере. Железоделательное производство у саргатского населения

в целом отличалось высоким уровнем для своего времени. Кузнецы уже имели в своем распоряжении сталь, которая превосходила мягкое железо, они применяли закалку изделий в холодной воде. Именно по этой технологии изготовлены многие ножи. Из стали делали мечи и кинжалы.

Из торговых связей населения саргатской культуры надо отметить связи со Средней Азией и Казахстаном. Оттуда поступала гончарная керамика и отдельные украшения. Исследователи установили также наличие интенсивных контактов носителей саргатских культурных традиций с Китаем, правда скорее всего опосредованных, через хунну или других посредников. В конце III в. и во II в. до н.э. территория западносибирской лесостепи вошла в состав северных ответвлений Великого шелкового пути. Как отмечалось выше, это было время активного функционирования Великого шелкового пути, который шел на запад через степи Монголии и Среднюю Азию. От него на некоторых участках отходили более мелкие торговые пути – ответвления на север. Одно из таких ответвлений шло и на земли саргатского населения. Сюда ввозились бусы из полудрагоценных камней, одноцветного и многоцветного стекла, личные украшения, бронзовые зеркала, шелковые ткани, гончарная керамика, изделия из лака и др. Можно полагать, что саргатцы вывозили в соседние страны кожу и пушнину, полученную от северных таежных племен. Среди культур эпохи раннего железа Южной и Западной Сибири предметы китайского производства, кроме саргатской, были обнаружены на памятниках пазырыкской и большереченской культур, а также на памятниках таштыкской культуры и в могильнике Кокэль (Тува). Но именно у саргатцев, в Приишимье и Прииртышье, найдено наибольшее количество, например, китайских лаковых изделий – это сосуды различных форм и украшение оружия, причем подобные находки того времени редки даже для Китая.

Социальные отношения саргатского населения подробно изучены Н.П. Матвеевой. Имущественная и правовая неоднородность общества прослеживается в различиях жилищ и главным образом в погребениях. Четко выделяется элитарная прослойка – вожди и военная верхушка. О выделении знати из общей среды свидетельствуют сложные конструкции некоторых погребений и такие богатые могилы, как в кургане Сидоровка. Необходимо отметить, что самые крупные курганы, так называемые “царские”, пока еще не раскопаны, можно полагать, что они будут резко выделяться на фоне других, даже богатых, погребений.

По мнению Н.П. Матвеевой, существовало не менее семи различных социальных групп населения. Это вожди, несколько групп элиты, зажиточные семьи, население рядовое, бедное и зависимое.

В военном деле сложилась определенная специализация. Низшие слои общества не были вооружены. Армия состояла из дружинников, во главе которых стояли вожди. Основой ополчения были легковооруженные всадники с луком и стрелами. Разнообразно и богато было вооружение у элиты саргатского общества. Можно говорить о наличии военной дружины, оснащенной вооружением ближнего и дальнего боя. Воины владели мечами, кинжалами, у них были железные наборные доспехи.

Что касается религии, то, вероятнее всего, специальные служители культа отсутствовали. Ритуалы выполнялись самими членами общества, как мужчинами, так и женщинами. Носители саргатской культуры находились на грани сложения государственности, это было потестарное общество, его можно назвать, по современной терминологии, вождеством. Некоторые исследователи (Н.П. Матвеева, Л.Н. Корякова) полагают, что у саргатцев существовала ранняя форма государственности.

По целому ряду признаков (характер вооружения, конского набора, звериный стиль, развитое скотоводство и др.) саргатская культура входила в состав скифо-сибирской культурной общности. Культурные связи с западными соседями – савроматами (а позже – с сарматами) были достаточно прочные, особенно ярко они выразились в наличии культа огня, который наиболее полно проявился в погребальном обряде. Исследователи предполагают несколько волн миграции из саргатской среды.

Особенно тесными и сложными были контакты с кочевым населением Северного Казахстана и Средней Азии, которое также входило в состав скифо-сибирской общности и определенно участвовало в сложении самой саргатской культуры. Инвентарь и антропологические исследования свидетельствуют о периодическом проникновении на территорию саргатской культуры целых групп номадов, которые принято считать ираноязычными. Можно полагать, что они входили в состав саргатской знати. Прослеживается исключительная близость между саргатцами и населением Зауралья, относящимся к гороховской культуре, которая, вероятно, была связана с уграми. Памятники свидетельствуют о совместном проживании в отдельных случаях саргатского и гороховского населения. В восточном регионе, в Приомье, саргатцы тесней-

шим образом соприкасались с западной периферией распространения традиций большереченской культуры Верхнего Приобья, речь о которой пойдет дальше. Здесь, на берегах Оми, наблюдается чересполосное расположение саргатских и большереченских памятников. Н.П. Матвеева, учитывая волны миграции и тесные контакты с соседними племенами, говорит об полиэтничности саргатского населения.

Саргатское объединение было самым крупным и мощным в Западной Сибири эпохи раннего железа. Оно обладало значительной военной силой. В социальном отношении оно стояло на высоком уровне развития. Вполне вероятно, некоторые соседние племена находились в зависимом от них положении. Видимо, наивысший уровень раз-

вития населения и его стабилизация выпадает на II в. до н.э.—II в. н.э.

Саргатская культура прекратила свое существование в конце IV в. н.э. Судя по всему, население, находившееся к этому времени на грани перехода к кочевничеству, оказалось легко вовлеченным в общевразийский процесс Великого переселения народов и в своей основной части передвинулось на запад в составе разноэтничного гуннского объединения, а позже явилось одним из компонентов этногенеза венгров. Оставшееся население либо было истреблено, либо ушло на север. На территории бывшего проживания саргатского населения происходит запустение, здесь расселяются небольшие группы северных лесных народов, а позже появятся тюркоязычные племена.

КУЛЬТУРЫ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ ОБШНОСТИ

Скифо-сибирский мир Верхнего Приобья представлен тремя очень близкими культурами, которые, по мнению некоторых исследователей, могут быть объединены в *большереченскую культурную общность* (В.А. Могильников, Т.Н. Троицкая). Большереченская культурная общность была распространена в Приобье от слияния Бии и Катунь до устья реки Томь. Она занимала лесостепь и лесную полосу по берегам Оби и ее притокам, а также восточную часть Приомья. Относится к числу культур скифо-сибирского круга.

История исследования. Большереченская культура впервые была выделена в 1951 г. М.П. Грязновым и получила свое название по селу Большая Речка Алтайского края, где он открыл и исследовал остатки поселений и могильников этой культуры. Под его руководством велись работы в зоне затопления Новосибирского водохранилища. Он предложил свою периодизацию большереченской культуры, которая с некоторыми дополнениями сохранилась до нашего времени. Культура была разделена им на три этапа: *большереченский* (в настоящее время он выделен в самостоятельную большереченскую культуру переходного периода), *бийский* и *березовский*.

В Новосибирском Приобье исследования курганных могильников и поселений были проведены в основном Т.Н. Троицкой. Особое место среди них занимают раскопки поселения *Ордынское-9* и курганные могильники *Новый Шаран-1* и *2*, *Быстровка-1*. Результаты этих работ отражены в монографии Т.Н. Троицкой и А.П. Бородавского «Большереченская культура лесостепного Приобья» (1989). В последнее время продолжает раскопки у села Быстровка А.П. Бородавский. Н.В. Полосьмак открыла ряд памятников этой культуры в Барабе, на правом берегу Оми, где они находились в непосредственном соседстве с памятниками саргатской культуры, местами располагаясь с ними чересполосно. На территории Томского Приобья памятники скифо-сибирского круга пока еще мало изучены, раскопки их прово-

дились Л.М. Плетневой, эти памятники были отнесены к *кижировской* культуре.

Достаточно полно памятники раннего железного века представлены на территории Барнаульского Приобья (Степного Алтая). После М.П. Грязнова археологические исследования здесь были проведены А.П. Уманским, который открыл и провел раскопки ряда крупных курганных могильников (*Рагозиха*, *Ново-Троицкий могильник* и др.). Поселения этой территории исследовались М.Т. Абдулганеевым. Раскопки проводились В.А. Могильниковым (*Камень-2*), Ю.Ф. Кирюшиным, А.Б. Шамшиным и другими археологами Алтайского государственного университета, в изданиях которого опубликованы результаты этих работ. Особо надо отметить исследования П.И. Шульгой могильника *Локоть-4а*.

Осмысление материалов раскопок в Верхнем Приобье привело к широкой дискуссии, в которой в значительной степени менялись и уточнялись взгляды на полученные материалы. При этом хронология не вызывала споров. Нижняя дата памятников определялась VI–V вв. до н.э., верхняя дата определялась как конец I тыс. до н.э. или как самое начало I тыс. н.э. К настоящему времени в определении культурной принадлежности материала четко обозначились два направления. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородавский, придерживаясь точки зрения М.П. Грязнова, отнесли все памятники лесостепного Приобья к большереченской культуре. Барнаульские археологи дали название этой культуре *каменная* и выделили в ее пределах более раннюю, локальную, *староалейскую* культуру, которая затем переросла в каменную. По сути дела, разногласия сохранялись в названии самой культуры. Авторы данного учебного пособия, в целях избежания путаницы в названиях, считают возможным придерживаться следующей точки зрения. В связи с тем, что все перечисленные культуры (каменная, или большереченская, кижировская и староалейская) очень близки друг другу, их можно считать локальными вариан-

тами одной большереченской, или каменской, культуры. Но поскольку в литературу достаточно прочно вошли представления о них как об отдельных культурах, то в дальнейшем изложении материала мы будем говорить о существовании одной культурной общности (большереченской), выделив внутри нее каменскую, староалейскую и кижировскую культуры. Возможно, будет выделена еще одна культура, связанная с территорией Кулунды.

Вопрос о происхождении культур Верхнего Приобья – дискуссионный. Основной территорией их сложения было Верхнее Приобье. Скорее всего, они сформировались на базе местных культур переходного периода от бронзового века к железнному: *позднеирменской* и *большереченской культурой переходного периода*. В Новосибирском Приобье в ее сложении могли принять участие племена завьяловской культуры. Огромную роль в формировании большереченской культуры сыграло европеоидное население Восточного Казахстана, ведущее кочевой образ жизни и регулярно проникавшее на территорию лесостепного Приобья. При этом сама культура не меняла своего облика, что свидетельствует об ассимиляции пришлых элементов местным населением. Причем доля участия пришлых племен в разных местах была различной. Так, их роль в сложении староалейской и кижировской культур была явно меньшей, в каменской (или собственно большереченской) – большей, а в Кулундинской степи она явно преобладала. К III–II вв. до н.э. староалейская культура в Барнаульском Приобье постепенно была поглощена каменской. Кижировская культура в Томском Приобье была ассимилирована кулайскими племенами, а в Новосибирском – большереченскими (каменскими).

Антропологические исследования показали, что население перечисленных выше культур было смешанным. Ряд черепов был европеоидным, у других при преобладании европеоидных элементов явно присутствовала монголоидная примесь. Но по своей совокупности они занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными типами, причем число европеоидных черепов явно возрастает с III–II вв. до н.э., что было связано с проникновением пришлого южного населения.

Памятники большереченской общности. Рассмотрим памятники этой общности по отдельным культурам.

Кижировская культура – самая северная. Она была распространена на территории Томского и севера Новосибирского Приобья, к настоящему

времени еще слабо изучена. Памятники представлены поселениями и городищами. К сожалению, большая часть их многослойна. Так, многослойным является городище *Кижирово*, значительная керамическая коллекция которого и дала название всей культуре. Однослойным оказалось лишь городище *Шеломок*. Именно по нему Л.М. Плетнева предлагает назвать культуру *шеломокской*. Могильники кижировской культуры слабо изучены, они были курганными. Раскопано всего семь могил в Томском Приобье, все они разграблены и дали мало инвентаря. Уникален найденный здесь боллас, состоящий из бронзовой гири в форме шара с петлей и бронзовой ручкой. Судя по керамике, в кижировской культуре существуют тесные постоянные контакты населения с южными большереченскими соседями, сохраняются некоторые традиции позднеирменской культуры, а влияние южных казахстанских и среднеазиатских племен здесь, на севере, было небольшим. Зато, если судить по дошедшим до нас бронзовым изделиям, прослеживались контакты с тагарским населением Ачинско-Мариинской лесостепи. Видимо, эти контакты устанавливались по рекам Томь или Чулым. К IV–III вв. до н.э. кижировские племена Томского Приобья были ассимилированы пришлыми сюда с севера кулайскими племенами, а в Новосибирском Приобье – каменскими (большереченскими).

Староалейская культура. Ее памятники расположены на протяжении 250 км по Оби от устья реки Ануй на юге до устья Чумыша на севере. Памятники представлены бескурганными могильниками и неукрепленными поселениями. Среди последних особый интерес представляет поселение *Ближние Елбаны-12*, где М.П. Грязновым была раскопана бронзолитейная мастерская, найдены литейные формы для отливки бронзовых ножей, шильев и кельтов. Материал датируется VI–IV вв. до н.э.

Могильники были бескурганными. Достаточно полно исследованы могильники *Обские Плесы-2* и *Староалейка-2*. Могилы в них расположены рядами. В ямах находилась рама или камера из одного–трех рядов бревен или горбылей, из них же сооружалось перекрытие. Умершие лежали по одному, чаще всего головами на юго-запад, в основном в вытянутом положении, изредка – в полускорченном. В отдельных случаях встречены парные захоронения. Инвентарь могильников и поселений в целом обычный для культур большереченской общности, однако в некоторых деталях инвентаря прослеживаются свои особенности. Так, специфически выглядят серьги с подвесками-

цепочками из бронзовых или золотых продетых друг в друга колечек. Встречены бронзовые бляхи, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

Характерная особенность орнамента керамики поселений и погребений – часто встречающиеся “жемчужины”. В IV–III вв. до н.э. начинают появляться курганы, сооруженные над одной или двумя могилами. Как утверждают барнаульские археологи, в III–II вв. до н.э. староалейская культура теряет свою самобытность и оказывается поглощенной соседней каменной культурой.

Каменная, или большереченская, культура. Именно в отношении ее существует разногласие в названии: барнаульские археологи называют ее каменной, новосибирские – большереченской. Здесь мы рассматриваем ее как каменную культуру большереченской культурной общности. Памятники этой культуры находят на территории Новосибирского и Барнаульского Приобья и в восточной части Приобья, примыкающей к Новосибирскому Приобью. В настоящее время известно более 100 памятников. Они представлены курганными могильниками, неукрепленными поселениями и отдельными случайными находками.

Все известные поселения были здесь неукрепленными. Городища отсутствуют, этому пока трудно найти объяснение. В первом периоде существования культуры оседлость была прочной, культурный слой свидетельствует о длительном проживании людей в одном месте. Примером тому является поселение *Ордынское-9*, расположенное у поселка Ордынское Новосибирской области. К сожалению, оно разрушается водами Обского моря.

Поселение хорошо датируется V вв. до н.э. Жилища в нем представлены небольшими полуземлянками, скорее всего, срубными и чаще всего двухкамерными. Общая площадь жилища 20–45 м², к основному помещению примыкало небольшое хозяйственное, очаг в котором отсутствовал. Культурный слой достаточно мощный и насыщен находками (керамикой и костями домашних животных). В ряде жилищ сохранились следы бронзолитейного производства. Жилое помещение отапливалось одним или двумя очагами: производственным, возле которого лили бронзу, и бытовым – для изготовления пищи и обогрева. В поселениях самого конца I тыс. до н.э., а таким определено *Ордынское-2*, культурный слой стал тонким и слабо насыщенным находками: население меньше жило на одном и том же месте.

Погребальный обряд был однотипным на всей территории развития культуры. Курганы

складывались из пластов дерна, они вначале имели какую-то геометрическую форму и лишь позже приобрели современный вид. Для первого этапа развития культуры под насыпью кургана находилась одна, реже – две могилы. Позже число могил в кургане резко увеличилось, достигая иногда 30 и более захоронений. Могилы были расположены по кругу от центрального погребения, в более позднее время таких кругов могло быть два. Участок, предназначенный для конкретной группы погребений, ограждался неглубоким рвом, а потом уже заполнялся могилами и перекрывался насыпью. В отдельных случаях ров был неглубоким и лишь участками слегка перерезал материк и потому при раскопках мог не проследиваться. В кольце имелись проходы, через которые шествовала погребальная процессия. У входа стояли шесты с конскими головами, которые позже могли упасть в ров (могильник *Быстровка-1*).

К числу самых ранних курганных могильников (VI–V вв. до н.э.) относятся *Елунинский-2* и *Ордынское-1*. Под насыпями курганов находилось по одному погребению, реже – два. Могилы в них могли иметь по краям бревенчатую обкладку и деревянное перекрытие. Погребенные лежали головами на юго-запад, на спине в вытянутом положении, подле них находились чаще всего один-два сосуда. Позже, когда появляется круговое расположение могил, известны перекрытия из одного-двух рядов бревен, которые могли лежать на заплечиках, расположенных на расстоянии 20–40 см от уровня дна. Набор инвентаря сохраняется прежним, только бронзовые ножи сменились на железные. Часто находят кости барана – остатки пищи, сопровождавшей мертвого. К могильникам V–III вв. до н.э., давшим наиболее интересные результаты, относятся *Новый Шарп-1* и *2*, *Быстровка-1* и *3* в Новосибирском Приобье, *Рагозиха*, *Новотроицкий-1* и *2*, *Кочки*, *Локоть-4а* в Барнаульском Приобье (Степном Алтае).

Некоторые погребения выделялись среди других своей конструкцией и инвентарем. Остановимся на нескольких таких погребениях. В одном из курганов могильника *Новый Шарп-2* был погребен мальчик 12–14 лет. Захоронение было совершено в срубе из пяти-шести венцов бревен, а сама могила была засыпана чистым речным песком с небольшой примесью охры. С мальчиком был найден бронзовый боевой топорик с изображением медведей на обухе, костяной уздечный набор, сосуд и железный нож (железные изделия в это время были еще очень редки).

В могильнике *Быстровка-1* обнаружено парное погребение мужчин, сопровождавшееся жен-

ским инвентарем. Здесь найдены глиняные пряслица, каменные алтарики-терочницы, крупное бронзовое зеркало с изображениями тигров (рис. 29), бронзовые гривна и браслет. При таком относительно богатом инвентаре отсутствовали предметы вооружения, обычные для мужских захоронений. Все это разрешает связывать погребения с обычаем травестизма (изменение внешнего облика на характерный для противоположного пола) и считать, что в могиле были захоронены жрецы или шаманы, принимавшие участие в отпращивании культа: обычай травестизма был известен по Геродоту у некоторых скифских жрецов и шаманов северных народов.

Особо надо остановиться на кургане 9 могильника Локоть-4а. Он содержал три могилы, в двух из которых найдены бляшки из золотой фольги, украшавшие одежду погребенного. Одно из этих захоронений, центральное, оказалось разграбленным. Второе, боковое, захоронение не было потревоженным. По сохранившимся на месте бляшкам из золотой фольги удалось реконструировать костюм умершего (рис. 30). Погребение было взято монолитом, и расчистка его в течение длительного времени проводилась в лабораторных условиях.

Всего здесь было обнаружено 1609 прямоугольных и квадратных бронзовых бляшек. Большая часть их была нашита сплошными рядами на полки куртки и отдельными линиями на рукава. На брюках бляшки закрывали продольные швы и в трех местах образовывали кольца. Узоры из золотой фольги были нашиты и на головной убор. Погребения могильника Локоть-4а датируются V–IV вв. до н.э. и свидетельствуют о тесных контактах с пазырыкцами Горного Алтая и саками Казахстана и Средней Азии.

Антропологический анализ материала могильников у села Быстровка дал очень интересные результаты. Несколько черепов сохранило следы трепанации. В одном случае (Быстровка-3) это была прижизненная врачебная операция, после которой пациент прожил еще достаточно долго. В других случаях (Быстровка-2), когда череп вскрывался рубящим инструментом, по мнению А.П. Бородавского, можно говорить об энцефалофагии – поедании родственниками в культовых целях мозга усопшего. Еще одним интересным обычаем являлось скальпирование. На черепах трех погребенных из Быстровки-2 обнаружены следы режущего орудия, причем скальп снимали с уже отрезанной головы. Один из таких погребенных, мужчина лет 18–20, был захоронен в мешке, в который были сложены кости, уже лишившиеся

мягких связующих тканей. Скальпированные захороненные не имели с собой инвентаря. Обычай снятия скальпа у врагов зафиксирован у ряда народов как исторический факт.

Другой интересный обычай, выявленный антропологами, – раскраска лица и тела у некоторых погребенных в могильниках у села Быстровка. Краситель темно-малинового цвета обнаружен на черепе, костях рук, ног, груди и ребрах. На лбу одного из погребенных сохранился узор в виде пальметки.

Инвентарь. Вооружение, обнаруженное в могильниках и поселениях, представлено разнообразными костяными и бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми и железными чеканами, кинжалами, кельтами. К защитному вооружению относятся костяные панцирные пластинки, к уздечному набору – удила, псалии, уздечные костяные пряжки, разнообразные бронзовые бляхи, ряд которых украшен изображениями в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 31). К орудиям труда относятся железные ножи, глиняные пряслица. Разнообразны украшения: бусы стеклянные и каменные, раковины-каури, проволочные серьги, изготовленные из прута гривны и браслеты, наборные пояса с различными бронзовыми бляхами и т. д. В курганах могильника Локоть-4а найдены бляшки из золотой фольги, которыми был расшит костюм погребенного.

Особый интерес представляют художественно оформленные бронзовые зеркала в виде крупных дисков с ручкой, привозные, южного происхождения. Зеркало из Быстровки-1 украшено тремя выгравированными изображениями тигров (см. рис. 29). Ручка зеркала из Раздумья украшена орнаментом в виде ломаной линии, выполненной из уголков, а конец ручки оформлен в виде стилизованной головы грифона. Аналогии этим двум зеркалам ведут в Переднюю Азию. В Алтайском крае найдены два зеркала-погремушки, изготовленные из двух спаянных бронзовых позолоченных дисков, на тыльном орнаментированном диске имеется два валика с пустотой и мелкими шумящими камешками. Зеркало из Рагозихи (V в. до н.э.) украшено изображениями слона, на спине которого восседает птица, и шести женщин, среди которых одна танцовщица и одна музыкантша, все они образуют торжественное шествие (рис. 32, см. с. 129). На зеркале-погремушке из могильника Локоть-4а изображены две женщины и три лани.

Керамика всех культур, входящих в большереченскую общность, чрезвычайно близка друг другу. Ее характерная особенность – значительное различие между поселенческими и погребальными

ми комплексами. Основные формы сосудов: плоскодонные баночные и кувшины, узкогорлые с округлым или уплощенным дном. Первые резко преобладают на поселениях, вторые чаще встречаются в погребениях. Сосуды слабо орнаментированы или же вовсе гладкие. Орнамент чаще всего состоял из одной строки, в кижировских и староалейских комплексах – из нескольких строк. Это ямки, “жемчужины”, оттиски гребенки или гладкой палочки. Встречаются сосуды на поддонах, миски, единичны сосуды в виде бочонков и стаканов. В могильниках Быстровка-2 и 3 встречены единичные сосуды, орнаментированные “уточкой” и типичные саргатские, что свидетельствует о смешении с северным населением.

Остановимся на некоторых художественных изделиях, выполненных в типичном скифо-сибирском зверином стиле. Интересны накладные поясные бляхи. Большая часть их бронзовые, бантообразные, они представляют собой очень стилизованные сомкнутые головы грифонов (см. рис. 31, 1–3, 8, 9). Накладные бляхи из Обских Плесов выполнены в виде свернувшейся змеи, кабана и тигра (4, 5, 7). Бляха из Новотроицкого-2 состоит из прямоугольной рамки и вписанного в нее изображения лошади с “вывихнутым задом” (12) (перевернутой задней половиной). В могильнике Почта-3 сохранился остаток ремешка с двумя бронзовыми бляхами: одной бантообразной и другой, изображающей лежащего лося с массивными рогами (10).

Найдены две абсолютно одинаковые крупные бронзовые бляхи, изображающие рогатого хищника. Одна найдена в Новосибирском Приобье, в могильнике Новый Шарап-1, другая, чуть сломанная, – случайная находка из Барнаульского Приобья (6). Хвост и лапы зверя выполнены условно, рога его типичны для изображений оленя. Хищник терзает травоядное животное, которое изображено схематично в виде головы горного козла с большим рогом. В подобных скифо-сибирских сценах хищник обычно именно терзает животное, здесь же голова с оскаленной пастью просто лежит на свернутом в круг роге козла.

Особый интерес представляют два однотипных бронзовых клевца с барельефными изображениями четырех медведей на обухе. Один найден с погребением мальчика в Новом Шарапе-1, второй – случайная находка. Три медведя стоят друг над другом, четвертый, отлитый у самой втулки, развернут в противоположную сторону. Один из клевцов непригоден для употребления из-за отсутствия сквозного отверстия во втулке. Видимо, это была бронзовая модель, по которой изготовляли глиняные формы для литья оружия. Скорее всего, так был

изготовлен клевец, найденный в погребении мальчика в могильнике Новый Шарап-1.

Экономика и социальные отношения. Основным занятием населения было скотоводство, которое приобретает все более отгонный характер, о чем свидетельствует постепенное уменьшение мощности культурного слоя поселений и резкое сокращение его насыщенности находками. На первом этапе развития культуры летом лошади и мелкий рогатый скот перегонялись на пастбища, а крупный рогатый скот оставался на выпасах в пойме, на ночь стадо возвращалось в село. На зиму дальние стада перегонялись домой. Постепенно роль дальних выпасов резко возрастает, чему способствует возросшая к концу I тыс. до н.э. засушливость климата. Намечается переход к отгонному скотоводству. В Кулундинской степи, расположенной ближе к Казахстану, скотоводство выражено более ярко. Занималось население и земледелием, о чем говорят каменные зернотерки, орудия для обработки земли и сбора урожая. Охота и рыбная ловля имели вспомогательное значение. Выявлены остатки литейной мастерской и открытые производственные участки, где лили бронзу. Остатки железодельных горнов пока не обнаружены, но широкое распространение с III–II вв. до н.э. ножей, изготовленных из железа низкого качества, говорит о развитии черной металлургии. Обмен наиболее интенсивно осуществлялся с населением Восточного Казахстана, Горного Алтая, с племенами саргатской культуры.

Общество находилось на далеко зашедшей стадии разложения родового строя. Оно было патриархальным, женщины имели зависимое положение. Уже четко прослеживалось имущественное неравенство. Исходя из погребального инвентаря, можно говорить о следующих категориях взрослого мужского населения. Группа первая – воины-всадники с относительно богатым вооружением и предметами конского набора. Вторая группа – мужчины, связанные с отправлением культа и не являвшиеся воинами, среди них были более богатые, носившие гривны, и бедные, сопровождаемые при захоронении только каменным алтариком и сосудом. Третья группа – рядовые воины с небогатым вооружением. Наконец, последняя, четвертая группа – совсем бедные члены семьи, не являвшиеся воинами и не занятые в отправлении культа.

Обращает на себя внимание достаточно резкое различие между саргатским и каменским (большереченским) населением в их отношении к военному делу. Саргатские могилы содержат разнообразные и многочисленные предметы вооружения. Каменское население было вооружено значительно слабее: судя по погребениям Новоси-

бирского Приобья около 47 % мужчин не сопровождалось вооружением. Наборы оружия присутствуют только предполагаемым главам семейных общин. Больше всего могил с оружием в Рагозихе, Новотроицком-1 и 2. Столь слабый уровень вооруженности в какой-то степени перекликается с тем, что на Оби не было укрепленных поселений. Этот факт не может пока найти достаточно четкого объяснения. Ведь у местного населения были враги, с которыми им приходилось сталкиваться. Так, на рубеже III–II вв. до н.э. на территорию Верхнего Приобья, заселенную большереченским населением, стали проникать северные воинственные лесные племена кулайской культуры. Отношения их были явно враждебными: кулайцы окружали свои поселения мощными оборонительными сооружениями, а их противники почему-то этого не делали. Судя по кулайскому могильнику Каменный Мыс на севере Новосибирского Приобья, у кулайцев, в отличие от местного населения, все мужчины были воинами.

Находки явно свидетельствуют о принадлежности культур большереченской общности к скифо-сибирскому культурному кругу. Об этом говорят вооружение, уздечный набор, значительное количество предметов, выполненных в зверином стиле. Местное население вступало в определенные контакты с кулайским, пришедшим около III в. до н.э. из Среднего Приобья. Причем на первых порах именно кулайцы воспринимали отдельные черты большереченской общности (развитие скотоводства, типичные сосуды в виде кувшинчиков), а у населения большереченской общности не отмечено следов влияния кулайской культуры. Позже, к рубежу тысячелетий, и кулайские племена стали оказывать влияние на каменское население. Это хорошо видно на примере могильника Быстровка-3, в захоронениях которого встречено несколько кулайских сосудов, типичные кулайская личина и бронзовое изображение головы лося. Начинает развиваться процесс взаимовлияния этих двух культурных традиций.

ТАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА

История исследования. Тагарская культура получила свое название по острову Тагар на Енисее. Она находится на стыке Западной и Восточной Сибири. Ее памятники расположены тремя компактными группами. Наибольшее их количество известно в степной Минусинской котловине. Небольшая группа находится на Енисее, близ Красноярска. Третья, значительная группа памятников, занимает лесостепь в северо-восточной части Кемеровской области – Ачинско-Мариинская лесостепь.

Раскопки отдельных тагарских курганов были произведены в XVIII, XIX и начале XX вв. Первым исследователем, который не только раскопал ряд курганов, но и обобщил весь имеющийся к тому времени материал и дал название культуры (*минусинская курганная культура*), был С.А. Теплоухов. В 1920 г. он начал свои исследования в Минусинской котловине у села Батени и обнаружил здесь скопления разных по форме курганов, которые он отнес к различным культурам. Так впервые были выделены *афанасьевская*, *андроновская*, *карасукская* и *курганная* культуры. Последняя как раз и была по современной терминологии *тагарской* культурой. О замечательном исследователе С.А. Теплоухове М.П. Грязнов писал следующее: “Он положил начало новому этапу в развитии археологических исследований. Только после его работ стало возможным изучать древние периоды народов Сибири по археологическим памятникам”.

Следующим археологом, сыгравшим большую роль в изучении памятников минусинской котловины, был С.В. Киселев. В своей монографии “Древняя история Южной Сибири” он уделяет достаточное внимание тагарской культуре, реконструируя на базе археологических источников историю населения Минусинской котловины. Взамен расплывчатого названия “курганная культура”, введенного С.А. Теплоуховым, он предложил для нее новое название – *тагарская культура*, и оно окончательно утвердилось в археологии. С.В. Киселев предложил для нее и свою периоди-

зацию. Позже им был раскопан самый величественный курган тагарской культуры – *Салбыкский*.

Значительный вклад в изучение тагарской культуры внес М.П. Грязнов, ученик С.А. Теплоухова. У горы Тепсей он раскопал значительную серию курганов, попадавших в будущую зону затопления Красноярской ГЭС. Определенную роль в изучении тагарской культуры сыграла и Э.Б. Вадецкая. Северо-западную группу памятников (в Кемеровской области) весьма детально исследовал А.И. Мартынов. Среди изученных им могильников – Ягуня, Большепичугинский, Шестаково и др. А.И. Мартынов на базе своих исследований выявил особенности развития тагарской культуры в лесостепном регионе.

В результате весьма активного изучения тагарской культуры можно реконструировать историю ее населения и выявить ее особенности. Тагарская культура датируется в пределах VIII (VII)–III вв. до н.э. Вопрос о происхождении тагарской культуры и степени ее связанности с предшествующей карасукской культурой дискусионен. Большинство ученых полагает, что она сложилась в Минусинской котловине на базе местной культуры эпохи поздней бронзы – карасукской, точнее, ее последнего этапа. Дело в том, что тагарские бронзовые изделия (оружие, ножи, зеркала), а частично и изображения животных, тесно связаны с карасукским инвентарем. Погребальный обряд тагарского населения также представляет собой дальнейшее развитие обряда предшествующей культуры. А керамика и антропологический тип населения отличаются от карасукского. В Ачинско-Мариинской лесостепи тагарское население появляется в VI в. до н.э., здесь оно поглотило остатки носителей *ирменской* культуры.

Тагарское население было европеоидным. Самоназвание его неизвестно. Ряд исследователей связывают тагарцев с упоминаемыми в китайских летописях белокурами динлинами. Языковая принадлежность населения также весьма спорна, хотя многие предполагают, что она была самодийской.

Существует несколько периодизаций тагарской культуры. Согласно периодизации М.П. Грязнова, тагарская культура делится на три этапа: баиновский (VII–VI вв. до н.э.) – время формирования тагарской культуры, подгорновский (VI–V вв. до н.э.), сарагашенский (IV–III вв. до н.э.) – время расцвета культуры. За ними следует тесинский этап (II–I вв. до н.э.) – переходный между тагарской и таштыкской культурами, в последнее время многие исследователи выделяли его в самостоятельную культуру. А.И. Мартынов предлагает отдельную периодизацию для лесостепной группы памятников: большепичугинский (VI–V вв. до н.э.), тисульский (V–IV вв. до н.э.), назаровский (III в. до н.э.) и шестаковский (II–I вв. до н.э.). Последний, синхронный тесинскому этапу, является переходным к таштыкской культуре и имеет мало общего с обычными тагарскими памятниками.

Памятники тагарской культуры. Они представлены поселениями, писаницами, каналами, сохранившимися под насыпями курганов, и многочисленными курганами, значительная часть которых раскопана. Намного слабее изучены поселения, их известно лишь около 30.

Поселения стали изучаться только в последнее время. Люди жили в основном в неукрепленных поселениях, в которых хорошо представлен культурный слой с находками керамики и костей домашних животных. Укрепленные поселения в основном служили убежищами во время военных столкновений – культурный слой здесь отсутствует. Лишь одно городище было заселено на длительное время. Поселения и писаницы дают возможность судить о характере жилищ. Дома были срубными. Известны полуземлянки, нижняя часть стен которых укреплялась плоскими камнями. При постройке некоторых жилищ под основание стены закладывалась жертва – молодой барашек. Судя по *Большой Боярской писанице*, срубные дома имели четырехскатную крышу и низкую дверь, через которую виден круглый очаг в доме. Окон не было. На этой же писанице изображены летние жилища – юрты (рис. 33, II).

Каналы типа среднеазиатских арыков хорошо прослеживаются под курганами Минусинской котловины, насыпи которых надежно защитили каналы от разрушения. Назначение этих каналов спорно: одни исследователи считают их ирригационными сооружениями. Но земледелие в Минусинской котловине возможно и без орошения. Поэтому другие ученые считают, что они служили для водопоя скота и полива лугов – основной кормовой базы домашних животных. В этом же регионе хорошо изучены горные выработки.

Наиболее многочисленными памятниками являются курганы – их раскопано около тысячи. Под их насыпями вскрыто более двух тысяч могил, некоторые из них содержат до сотни погребенных. Все это дало возможность достаточно подробно изучить погребальный обряд. В целом он развивается одинаково на всей тагарской территории, но лесостепная группа имеет свои особенности, вызванные малым количеством камня: курганы здесь земляные, могилы в них грунтовые, часто прослеживаются срубы. В Минусинской котловине могилы были ограждены каменными оградками из вкопанных плит. В углах этих оградений над поверхностью земли возвышаются вертикально стоящие камни, часты погребения в каменных ящиках. В курганах первого этапа (VII–VI вв. до н.э.) эти угловые камни обычно отсутствуют, насыпь их невысокая, поэтому оградки очень хорошо видны. Внутри оградок этого периода обычно находится одна могила – каменный ящик, реже сруб. Ямы рассчитаны на одного человека. В Ачинско-Мариинской лесостепи памятники этого периода отсутствуют.

Курганы VI–V вв. до н.э. в Минусинской котловине имеют вид невысоких холмов, в основании которых имеется 4–6 высоких камней, реже встречаются восьмикаменные курганы. Эти камни ставились в углах и посередине стороны каменной оградки. Под насыпью чаще находится одна оградка, реже – две. Ямы с каменными ящиками и срубами перекрывались плитами или бревнами. Внутри оградки выкапывали одну, реже – две могилы со срубом или каменным ящиком, крытыми плитами или бревнами. В лесостепи, где было мало камня, насыпи, как и в первый период, были земляными, а сама оградка складывалась из деревянных пластов.

В могиле обычно хоронили одного человека, реже – несколько. С умершим ставили сосуды с питьем и жидкой пищей. К поясу крепились нож, шило, бронзовое зеркало и костяная гребенка. Куски мяса ставили всегда в ногах покойного. Курганы знати выделяются своими размерами: высота насыпи достигала 3–5 м, в Минусинской котловине их оградки могли быть обставлены значительным количеством высоких камней (от 10 до 13), а недалеко от ограды помещалась одна высокая стела, которую современное население называет маяком.

На следующем этапе, сарагашинском, или тисульском и назаровском (рубеж V–IV–III вв. до н.э.), обряд погребения изменяется. Вначале в могиле хоронили до 10–20 человек, а позже до 100 и более людей разного пола и возраста. Мертвых

клали тесными рядами, новых умерших подзахоранивали иногда уже к скелетам. Известны случаи, когда для освобождения места новым погребенным скелеты со всем инвентарем смещали в кучку. Создавалось впечатление разграбленности, хотя весь положенный инвентарь сохранялся. Иногда поверх одного ряда погребенных, занимавших все дно могилы, укладывали еще один ряд, перпендикулярный первому. Появился обычай заменять некоторые изделия миниатюрными, специально изготовленными для погребения, кинжалами, чеканами, ножами, зеркалами и др. Заполненные могилы часто подвергались сожжению вместе с камерой. Для лучшей сохранности в ряде случаев голову умершего стали обмазывать глиной, впоследствии появился обычай изготавливать глиняную маску – портрет умершего. Четко прослеживается имущественная дифференциация. Существуют бедные безынвентарные погребения. Представителей знати хоронили не в коллективных, а в отдельных могилах и снабжали богатым инвентарем.

Особенно выделялись среди всех остальных погребенные в *Большом Салбыкском кургане*. В урочище Салбык к северу от Абакана расположено 56 крупных курганов, среди которых возвышался Большой Салбыкский курган (рис. 34). К моменту раскопок высота его достигала 11 м. Угловые камни скрытой под насыпью ограды возвышались над ней на 5 м. В косых лучах солнца хорошо прослеживалась пирамидальная форма насыпи. Раскопки его произведены в 1954 г. С.В. Киселевым. И хотя курган оказался полностью разграбленным, он сохранил под своей насыпью уникальное грандиозное архитектурное сооружение. Раскопки дали возможность восстановить картину его строительства. Крупные камни добывали на расстоянии 70 км от кургана. Глыбы волокли по насту на деревянных катках. За бревнами лиственницы ездили далеко в тайгу и тянули их на арканах, для которых проделывали отверстия в бревнах. Вначале монолитными плитами оградили площадь в 490 м². Плиты ставили в канавки, дно которых было выстлано деревом. Через определенные промежутки вдоль стенки ограды стояло 20 высоких плит. На расстоянии 2–3 м от каменной ограды была сооружена деревянная стена, а пространство между ними вначале было засыпано землей, а сверху заложено каменными плитами. Высота такой мощной крепиды достигала 3 м. От нее отходил коридор длиной в 14 м. Он был сложен из камня. В центре огражденной площадки была вырыта могильная яма площадью 25 м² и глубиной около 180 см. Стены ямы укре-

пили деревянными стойками и внутри ее соорудили сруб, к которому вел двухметровый коридор. Пол его был застлан досками и берестой, яму перекрыли шестью рядами бревен, верхние из которых были завернуты в бересту. Поверх них соорудили усеченную пирамиду высотой до 2 м, сложенную из бревен. И все это обложили рядами земляных брикетов, образовавшими насыпь кургана. Общая высота сооружения достигала 25 м. Обряд захоронения в этом кургане сопровождался жертвами. Под угловыми камнями ограды было погребено несколько убитых взрослых и детей. У входа в склеп лежали скелеты еще двух человек. Курган был полностью разграблен. Найдены лишь два бронзовых ножа, сосуд и останки – кости семи человек, среди которых был один старик 70 лет. Вначале в срубе поместили одного или двух погребенных, позже к ним подзахоронили остальных. Человек, для которого соорудился еще при его жизни погребальный комплекс, видимо, был наделен высшей властью. По подсчетам С.В. Киселева, для сооружения такой монументальной гробницы потребовался труд не менее 100 человек в течение семи лет. Известны и другие богатые индивидуальные погребения, но всем им далеко до Большого Салбыкского кургана.

Для следующего, тесинского, или шестаковского переходного, этапа (II–I вв. до н.э.) характерно сохранение курганов с огромным количеством погребенных в одной могиле (до 100 человек и более) и появление бескурганых захоронений. В ряде случаев отмечено сожжение погребенных вместе с камерой, трупосожжения, совершенные на стороне (в могилу помещалась только кучка праха). Распространяется обычай изготовления глиняных погребальных масок. Большая вариативность в самом обряде захоронения свидетельствует о многокомпонентности населения. Наряду с местным, тагарским, населением существовало пришлое, появление которого было связано с передвижением хунну. Как уже указывалось, этот последний этап был переходным к последующей таштыкской эпохе. Об этом свидетельствуют бескурганые могильники и появившийся еще на предыдущем этапе обычай изготовления глиняных масок.

Среди памятников тагарской культуры особое место занимают писаницы, которые находятся на территории Минусинской котловины, но отражают жизнь не только этого региона, но и всего тагарского населения в целом. Значительный интерес представляет *Большая Боярская писаница*, относящаяся к позднему тагарскому времени (см. рис. 33, II). На ней изображено поселение, состоя-

шее из срубных домов и юрт. Здесь же расположено стадо из крупного и мелкого рогатого скота. Возле домов находятся типичные бронзовые скифские котлы. Отдельной группой представлены олени. Эта писаница – неопределимый источник для изучения хозяйства и быта тагарцев.

На территории Ачинско-Мариинской лесостепи у города Ачинска расположена *Айдашинская пещера* – культовое место. Здесь наряду с изделиями неолита, кулайской и релкинской культур эпохи железа найдено значительное число предметов, относящихся к тагарской культуре. В 70-х гг. XX в. пещере грозило уничтожение в результате хозяйственного освоения этой территории. И тогда здесь начались раскопки. Работа была сложной, так как вертикальная и боковая шахты были сплошь завалены щебнем. За несколько лет работы сотни тонн грунта извлекли из пещеры и тщательно просеяли. Интересна следующая деталь: среди находок явно преобладают костяные наконечники стрел всех перечисленных эпох. В.И. Молодин и В.В. Бобров, проводившие здесь раскопки, полагают, что эти находки говорят о традиции помещения в пещеру стрел. Этнографические данные свидетельствуют, что стрелы не просто приносили и складывали в пещеру – ими стреляли в жертвенное место из лука.

Инвентарь. Для тагарской керамики на протяжении всего развития этой культуры характерны плоскодонные баночные сосуды. Они гладкие или орнаментированные горизонтальными желобками. Позже наряду с банками появляются сосуды на поддонах, сосуды со сливом или имитирующие форму котла. На переходном этапе известны небольшие сосуды различной формы (прямоугольные, кубические, в виде блюдца и т. д.).

К настоящему времени найдены тысячи предметов вооружения и орудий труда. Самые многочисленные находки – бронзовые ножи. Железные ножи появляются лишь в самом конце тагарской эпохи. Постоянно встречаются бронзовые кинжалы, чеканы и втоки (рис. 35). Чеканы надевали на длинную деревянную рукоять длиной до 80 см. На противоположную сторону надевали вток. На сарагашенском этапе появляются миниатюрные изображения кинжалов и чеканов. Наконечники стрел были костяными и бронзовыми.

Украшения и предметы туалета многочисленны. Самое распространенное украшение – головные повязки, на которые нашивали выпуклые бронзовые бляшки. Часто встречаются бусы, изготовленные из камня (в том числе сердолика), стекла, бронзы – они составляют ожерелья и браслеты. В могилах находят зеркала, гривны, сделанные

из прута, серьги и ножные браслеты. Последними, видимо, скреплялись голенища мужской обуви. Встречены остатки одежды, изготовленной из шерсти, полотна или кожи.

Некоторые украшения, видимо, имели культовое назначение. Таковы многочисленные бронзовые бляхи, изображающие оленя с подогнутыми под туловище ногами (см. рис. 33, I). Ветвистые олени рога, как считают большинство исследователей, были символами солнечного божества. Полагают, что символами власти были бронзовые ажурные колоколовидные навершия, украшенные фигурками козлов.

Экономика, социальные отношения, идеология. Все перечисленные материалы дают возможность реконструировать некоторые стороны истории тагарского населения. Самые ранние памятники этой культуры в Минусинской котловине известны там, где им предшествовали памятники карасукской культуры. С VI в. до н.э. тагарцы известны и в современной Кемеровской области, где до этого существовала не карасукская, а близкая ей ирменская культура. Это привело к тому, что здесь сложился лесостепной вариант тагарской культуры. В V в. до н.э. носители тагарской культуры Минусинской котловины продвинулись на север, в район современного Красноярска, где слились с местным населением, образовав здесь особый вариант тагарской культуры. Ко II в. до н.э. тагарская культура прекращает свое существование в связи с перемещением племен, вызванным передвижением хунну. Тагарское население не было вытеснено или истреблено. Оно осталось на месте и стало ассимилироваться пришлым населением. Смена культур не была резкой. На тесинском (шестаковском) этапе в погребальном обряде наблюдается сочетание старых и новых традиций.

Хозяйство тагарского населения было комплексным, скотоводческо-земледельческим. Основой его являлось оседлое скотоводство, что было вызвано небольшой площадью степей, ограниченных горными хребтами и труднопроходимыми лесными массивами. В этих условиях невозможно развивать кочевое хозяйство. В стаде преобладал крупный рогатый скот, разводили также коз и овец. Стада паслись при помощи собак, о важной роли которых свидетельствуют их специальные захоронения. Значительное место в стаде занимали лошади, которые добывали зимой корм из-под снега, разбивая копытами наст и тем самым облегчая пастьбу зимой остальному стаду. Не исключено, что уже упоминавшиеся каналы служили как для водопоя животных, так и для орошения земли.

О роли земледелия свидетельствует большое количество зернозерок и бронзовых серпов. В лесостепном регионе земледелие было пойменным: обрабатывались земли, постоянно увлажненные и естественно удобренные. Орудия первичной обработки почвы пока не найдены, возможно, что они были деревянными. А.И. Мартынов полагает, что для вторичной обработки использовались костяные и каменные мотыги и деревянные рыхлящие орудия типа грабель. Плодородные почвы способствовали развитию земледелия. Охота и рыболовство играли весьма скромную роль.

Значительное место в экономике занимало ремесло. Орудия и оружие тагарцев были бронзовыми. Железо до переходного тесинского этапа почти не применялось. Это было связано с тем, что в Минусинской котловине известно большое количество доступных месторождений меди. Сохранились остатки древних выработок: шахты диаметром около 1 м и открытые карьеры. Тут же найдены каменные молоты, кайлы, роговые кирки и деревянные лопаты. Рядом с выработками находились медеплавильни с большими кучами шлака. Олово в Минусинской котловине было привозным, и его экономили. Изделия изготавливали из меди, иногда чистой, иногда с добавками мышьяка, которые могли быть и природными, т. е. существовали как примеси в самой медной руде. Добывали и обрабатывали россыпное золото, разработки которого в виде воронкообразных ям сохранились до нашего времени. Большинство тагарских бронзовых изделий имеет стандартные формы и размеры, что вместе со сложными разработками и медеплавильнями свидетельствует о наличии специалистов-металлургов. Наряду с этим существовало и домашнее ремесло: строительство, ткачество, косторезное дело, изготовление керамики и т. д.

Долгое время предполагали, что тагарское общество находилось на последней стадии разложения родового строя. Однако в последнее время стали считать, что это было раннегосударственное образование или вождество с яркими чертами родовых связей, аналогичное тем, какие существовали в других регионах скифо-сибирского мира (Скифии, Средней Азии, Горном Алтае). Анализ погребений дает возможность утверждать о наличии различных категорий свободного населения. Во главе такого общества стоял верховный правитель, грандиозное погребальное сооружение которого было раскопано в Большом Салбыкском кургане. Далее идут богатые погребения. Основная масса населения представляла собой среднее сословие. Это рядовые общинники, небогатое сво-

бодное население – основные производители материальных ценностей. Возможно, существовали рабы, представленные в курганах безынвентарными могилами. Ярким примером того является могильник Ягуня в лесостепной части расселения тагарцев. В могиле в ногах двух скелетов найдены перерубленные кости женщины без всякого инвентаря.

Материал лесостепной территории, как указывает А.И. Мартынов, дает возможность реконструкции родоплеменной структуры общества. Курганы здесь расположены четырьмя группами по четырем большим долинам. Они отражают племенное деление населения. Каждая группа состоит из семи курганных могильников, расположенных на расстоянии 12–18 км друг от друга. Видимо, это семь или восемь родовых групп, занимавших территорию не более 12–18 км².

Идеология тагарского общества в целом была типичной для скифо-сибирского круга. Необходимо остановиться на некоторых особенностях изобразительного искусства. Тагарское искусство выросло на базе искусства позднего бронзового века – карасукского, для которого характерно изображение на рукоятках ножей и кинжалов голов козлов, баранов, изредка лошадей. На раннем этапе тагарской культуры сохраняется тот же набор животных, только изображаются они чаще полностью. Бронзовые фигуры козлов украшали навершия, чеканы, зеркала и т. д. С V в. до н.э. широко распространяются крупные бронзовые бляшки с изображением оленя, у которого поджаты передние и задние ноги. Особенно они характерны для лесостепного региона в Кемеровской области. Исследователи связывают культ оленя с культом солнца.

Тагарское искусство относится к скифо-сибирскому, но имеет свои особенности, резко выделяющие его в среде искусства родственных народов. Для тагарского звериного стиля характерен образ травоядного животного – оленя и барана, изображенных в спокойной позе, редко встречаются изображения кошачьих хищников, отсутствуют массовые сцены и, в первую очередь, отсутствуют сцены терзания. Несколько найденных блях с этими сценами считаются привозными. Нет среди тагарских блях изображения свернувшегося хищника.

Особым видом тагарского искусства являются наскальные выбивки – петроглифы. Рисунки выбиты на скалах по берегам рек. Особенно интересны уже упоминавшиеся Боярские писаницы, на которых изображены поселки с домами, жителями и стадами. На других петроглифах представлены лучники, гребцы в лодках, котлы, олени, ди-

---

кие козлы и т. д. Фигуры выполнены точками, силуэтами и контурами. Культурная принадлежность петроглифов и их датировка определяется по рисункам оленей, диких козлов, предметов быта и вооружения, встречающихся в погребениях тагарской культуры. Наскальные выбивки играли важную роль в культах местного населения и служили местами жертвоприношений.

Тагарская культура, безусловно, входит в состав скифо-сибирской культурной общности. Для нее характерна общая для этих культур материальная оснащенность: вооружение, конский уздечный набор, «скифские» бронзовые котлы, а

также развитый особый вариант скифо-сибирского звериного стиля. Общим был и высокий уровень социальных отношений.

Ко II в. до н.э. тагарская культура прекращает свое существование. Наступает переходный тесинский этап, в начале которого отчетливо прослеживается слияние тагарцев с пришлым населением и их окончательное поглощение. На месте тагарской культуры образовалась таштыкская культура с совсем иным антропологическим типом населения. Но тагарская культура исчезла не бесследно, она перевоплотилась в таштыкскую, ставшую ее наследницей.

ТУВА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

История исследования. Первые археологические исследования в Туве были проведены А.В. Андриановым и С.А. Теплоуховым в начале XX в., однако их результаты не были опубликованы и проанализированы они были много позднее. Серьезные и масштабные работы здесь были начаты с 1955 г. Они производились С.И. Вайнштейном, Л.Р. Кызласовым, А.Д. Грачом, А.М. Мандельштамом и другими исследователями. В 1971–1974 гг. М.П. Грязновым раскопан уникальный курган Аржан-1, а в 2001–2003 гг. российско-германской экспедицией проведены раскопки кургана Аржан-2.

Основные обобщающие работы по археологии Тувы были написаны А.Д. Грачом и Л.Р. Кызласовым. У исследователей нет единого мнения о названии культуры населения Тувы скифо-сибирского круга. А.Д. Грач выделяет раннескифскую культуру, дав ей название *алдыбельской* (VIII–VII–VI вв. до н.э.), и *сагланскую* культуру (V–III вв. до н.э.). Л.Р. Кызласов считает, что на территории Тувы в эпоху раннего железа существовала единая *уюкская* культура, которая делится на три периода. Первый – начальный, или аржанский, этап выпадает на конец VIII–VII в. до н.э. (необходимо указать, что некоторые исследователи начинают уюкскую культуру не с VIII, а с VII в. до н.э.). Второй этап развития уюкской культуры – ранний, он завершается началом IV в. до н.э., а третий, поздний, этап датируется со второй половины IV–до конца III в. до н.э. Позже уюкская культура исчезает, на ее месте с рубежа III и II вв. до н.э. появляется новое население, принесшее сюда свою культуру.

Происхождение уюкской культуры пока еще не выяснено. Эта культура уже с самого начала ее появления предстает как сложившаяся культура скифо-сибирского круга. Антропологический тип населения – смешанный европеоидно-монголоидный со значительным преобладанием европеоидных черт. Лингвистическая принадлежность носителей уюкской культуры пока не установлена.

Характерная особенность памятников Тувы в том, что некоторые могилы оказались насквозь промерзшими. Все они находятся в достаточно высокогорной местности, где долгая, суровая зима, а лето очень короткое и холодное. Вода, проникшая весной в могилы через камни насыпи и замерзшая там, за лето не успевает оттаять.

Памятники. Памятники уюкской культуры представлены могильниками и отдельными находками. Поселения пока не известны. К начальному и раннему периодам относится небольшое число памятников, среди которых мировую известность получили курганы Аржан-1 и 2. Они расположены в Турано-Уюкской котловине, известной у местных жителей как *Долина царей*. На тувинском языке слово *аржаан* означает целебный источник. В центре одного из курганов была воронка, из стенок которой сочилась вода. Тувинцы считали воду целебной, а место – священным. Здесь проводились различные религиозные церемонии и даже была сооружена буддийская часовня. Постепенно рядом с могильником возник поселок, который так и называли – Аржан. Среди курганов могильника выделяются четыре насыпи – каменные наброски, большие по диаметру, но невысокие.

Курган *Аржан-1* – недавно его диаметр достигал 120 м, а высота была 3–4 м (рис. 36). С разборкой в хозяйственных целях камней из насыпи размеры кургана уменьшились, а под насыпью обнаружались мощные листовенничные бревна. Расхищение кургана было прекращено, и начались его раскопки, продолжавшиеся четыре года (1971–1974 гг.). Руководили раскопками М.П. Грязнов и М.Х. Маннай-оол.

Вокруг кургана полукольцом расположено около 300 небольших каменных оградок, внутри которых найдены остатки костей черепа и ног коня. Видимо, это остатки шкур лошади, снятых вместе головой и ногами и оставленных здесь в качестве жертвоприношений. Оградки были поминальными сооружениями.

Насыпь кургана сложена из бутового камня весом до 50 кг и более. Курган обнесен кольцевой каменной крепидой высотой 3–4 м, удерживающей камни насыпи от расползания и ограждающей мир мертвых от мира живых. Основная площадь кургана заполнена бревенчатыми срубками, каждый из которых имеет форму трапеции. Срубки располагаются радиальными и кольцевыми рядами, всего их – 70. Все срубки перекрыты бревнами, положенными радиально. В целом получилась круглая деревянная платформа высотой в 2,5–3 м и окруженная снаружи наклонной бревенчатой стеной – откосом. Сверху платформа была завалена камнем.

Центральный сруб был квадратным (8 × 8 м). Внутри его находился малый сруб – могила “царя”. Между ним и стенами основного сруба с трех сторон найдены шесть деревянных колод и два маленьких срубика для знатных погребенных. С четвертой стороны положили шесть взнузданных коней. Все захоронения оказались разграбленными еще в древности, сохранились лишь отдельные предметы и обрывки богатой одежды.

В центральном срубе были погребены старик и взрослая женщина, в колодах и срубиках вокруг него – семь стариков и один молодой человек. Под деревянным полом центрального сруба найдены хвостовые позвонки не менее чем 15 лошадей: видимо, земля для мягкости была выстлана конскими хвостами. В радиальных срубках обнаружены погребения коней и богатых людей. Таким образом, всего с “царем” были захоронены не менее 15 человек и семь групп верховых коней, от 3 до 30 в каждой группе, всего их было 160. Судя по остаткам костей в поминальниках, на тризнах (в один или в несколько приемов) было съедено около 300 коней. В тризне приняло участие не менее 10 тыс. людей.

Поскольку каждая из семи групп коней имела свои отличительные особенности в конском уборе, М.П. Грязнов предположил, что они были преподнесены умершему вождю семью внутриплеменными подразделениями. Уздечные наборы он датирует VIII–VII вв. до н.э. Особенно интересны предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Это крупная круглая бляха в виде свернувшегося хищника кошачьей породы и навершие с фигуркой стоящего барана. Они говорят о том, что звериный стиль уже четко сформировался. В насыпи найден обломок оленного камня.

Сам М.П. Грязнов писал в своей работе об аржанском кургане: все “рисует нам картину похорон “царя” как большое событие в жизни племени или союза племен, как всенародное огром-

ное траурное торжество. Можно представить себе, как тысячи людей собрались, чтобы отдать последнюю честь своему царю, как они на конях волокли вековые лиственницы, чтобы построить огромное деревянное надмогильное сооружение, как везли, тащили и несли большие и малые камни, как женщины и дети собирали в свои шапки, мешки и подолы речную гальку и сыпали ее на могилу, чтобы сделать курган как можно больше и выше, и как затем на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя”.

Не менее сенсационным оказался курган *Аржан-2*, раскопанный российско-германской археологической экспедицией в 2001–2003 гг. Диаметр его достигал 80 м, высота – 2 м. Он был сооружен из каменных плит, перекрытых слоем глины и окруженных каменной оградой. Курган был сооружен на месте поселения эпохи бронзы и содержал серию погребений, из которых наиболее значимым было погребение № 5. Причиной того, что это основное (“царское”) погребение оказалось никем не разграбленное, явилось его местонахождение: не в центре кургана, а ближе к его краю. Размер прямоугольной ямы – 5,5 × 4,5 м, глубина – более 4 м. В ней обнаружен двойной бревенчатый сруб. Каждый из срубов имел свое бревенчатое перекрытие. Пол внутреннего сруба был дощатым, а внутренняя его поверхность была тщательно отесана. После совершения захоронения яму заполнили глиной вплоть до уровня дневной поверхности.

В могиле выявлены скелеты двух человек – мужчины и женщины. Они лежали на левом боку с подогнутыми ногами, головами на северо-запад, левая рука была вытянута, а правая согнута в локте. Вдоль стен сохранились вертикальные деревянные планки, на которых, видимо, крепилась не дошедшая до нас драпировка стен.

На специальных жердях, упирающихся в основание пола, висел инвентарь погребенных. Оружие представлено железным чеканом, инкрустированным золотом, и железными наконечниками стрел, лежащими в деревянном горите, обложенном золотым листом. Его кожаная несохранившаяся основа была сплошь покрыта небольшими золотыми бляшками в виде кабанов. Найдены бляшки, изображающие кошачьего хищника, и другие золотые пластинки. Даже некоторые железные наконечники были покрыты позолотой, с ними лежали костяные и один бронзовый наконечник стрелы. Древки стрел были окрашены красной краской. В западном углу камеры висела золотая пектораль (фото 9) (позже упавшая на пол) и кожаные сосуды с зерном, которое оказа-

Фото 9. Пектораль из кургана Аржан-2. Золото.

1 – общий вид, 2 – деталь (по: *Аржан*. Источник в долине царей. – СПб.: Изд-во Славия, 2004; с. 21).

лось рассыпанным по полу. Возле каждого погребенного найдены бронзовые зеркала.

С мужчиной было найдено множество великолепных изделий. Прежде всего это массивная литая золотая гривна (фото 10). В центральной части она прямоугольная в сечении, на ее гранях напаяны шесть рядов миниатюрных кошачьих хищников, по 22 фигурки в каждом ряду. А на круглой в сечении части гривны изображения животных расположены по спирали. Найдены золотая серьга с припаянным конусовидным колпачком, покрытым зернью, золотые и бирюзовые бусины. От головного убора сохранились четыре золотые фигурки лошадей и наверху в виде оленя. Две массивные золотые бляхи орнаментированы в скифо-сибирском зверином стиле. Найдены железный акинак и нож, рукояти их были позолоченными.

Материал, из которого была сшита одежда, не сохранился, но можно восстановить ее покррой, поскольку она была сплошь покрыта бисером и мелкими бляшками в виде стоящих хищников. Всего найдено более 2500 бляшек, они покрывали скелет в несколько слоев и были нашиты на короткую куртку. Штаны были расшиты мелким золотым бисером, он же украшал и мягкую обувь типа сапог.

Женский скелет сопровождался чуть менее богатым инвентарем. Остатки головного убора представляли собой органическую массу. К нему же относились бусы, золотые бляхи в виде лошади, кошачьих хищников и др. животных, две длинные булавки, покрытые изображениями зверей. Можно считать, что все это представляло собой такой же головной убор, какие были обнаружены в курганах Горного Алтая. Найдены золотые серьги

Фото 10. Гривна из кургана Аржан-2.

1 – общий вид, 2 – деталь (по: *Аржан...*; с. 22, 23).

весьма сложной конструкции, кольца, браслет, золотые ременные обоймы, небольшая золотая модель котла. Сохранились остатки кожного мешочка с красной краской, вероятно, это были остатки косметического набора. Женский костюм был украшен многочисленными бусами: золотыми, бирюзовыми, сердоликовыми и янтарными, а также множеством золотых бляшек, изображавших кошачьего хищника, и узкими продолговатыми трубочками. На костях стоп найдены две золотые полоски, украшавшие обувь.

За пределами погребальной камеры также были сделаны интересные находки: деревянное блюдо, два бронзовых котла, остатки деревянной колоды, в которой найден скелет младенца и две крупные янтарные бусины.

В пределах кольцевой ограды и под ней обнаружены человеческие захоронения, сопутствующие основному. Они несравненно менее богаты находками, но чрезвычайно важны в научном плане, так как имеют параллели в “царском” захоронении, и в то же время материалы именно этих захоронений позволяют соотнести комплекс кургана Аржан-2 с известными памятниками как в Туве, так и за ее пределами. В юго-восточной части кургана погребено 14 жеребцов. С каждым из них найдены бронзовые удила с парой псалиев, наносник, золотые пластины – нахвостники и украшения гривы.

В кладке наземного сооружения Аржана-2 найдены плитки и их обломки с выбивками, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Среди них колесница, запряженная лошадьми, фигуры оленей, верблюдов, лося, горных козлов, кабанов и изображение человека с кинжалом и горитом на поясе. Помимо этих плит найдены оленные камни (см. гл. 13).

Сотрудниками Эрмитажа, куда переданы все находки, была проведена огромная работа по их реставрации, определению органических остатков и т.д. В основном погребении найдено более 9 тыс. предметов, большая часть которых из золота. Набор обнаруженного в Аржане-2 инвентаря имеет некоторые специфические особенности. В нем отсутствуют керамические сосуды, среди изделий, выполненных в скифо-сибирском стиле, отсутствуют столь частые на Алтае изображения грифонов и других фантастических животных, синкретические образы. Все изображения животных имеют реальные прототипы. Интересно отметить, что в Аржане-2 найдены самые ранние для Сибири крупные железные изделия – предметы вооружения. Это чекан, наконечники стрел, кинжал и ножи. Весь комплекс находок из этого памятника имеет местное происхождение.

На основании типологического анализа обнаруженного материала и сопоставления его с известными комплексами, проведения серии радиоуглеродных датировок установлено, что Аржан-1 и Аржан-2 не синхронные курганы. Аржан-2 более молодой и датируется в пределах второй половины VII в. до н.э.

Из других памятников раннего времени надо остановиться на *Улуг-Хоруме* (на тувинском языке – *большой, великий каменный курган*). Курган имел каменную наброску диаметром около 20 м. Ее окружало огромное каменное кольцо диаметром до 66 м. А за его пределами полукругом располагалось несколько сотен небольших поминальников. После полной расчистки сооружение имело вид двух концентрических колец, соединенных друг с другом 32 радиальными линиями, выложенными из камня. Найденные погребения были впускными и относились к позднему времени. А.Д. Грач, раскопавший это сооружение, считал, что это не погребальный памятник, а храм солнца. Другие курганы двух первых периодов уюкской культуры за небольшим исключением малочисленны, бедны и особых отличительных черт не имеют. Погребенных обычно помещали в скорченном положении в бревенчатых срубках. Могила была глубокой.

Значительно многочисленнее памятники IV–III вв. до н.э. Погребальный обряд несколько изменяется. Оградки чаще становятся четырехугольными, а срубы сооружались по-прежнему в глубоких могилах, их делали из лиственниц, которые широко распространены на горных тувинских склонах. В ряде случаев на концах бревен хорошо видны проушины, в них вставляли веревки и волокна бревна на далекие расстояния. Сохраняется скорченное положение погребенных, а конские захоронения отсутствуют. Погребения, как правило, были групповыми, они могли содержать до 15 скелетов, лежащих в несколько ярусов (рис. 37). Детей обычно хоронили в ногах взрослых. Погребенных, возможно, мумифицировали: на некоторых черепах сохранились следы трепанации для извлечения мозга у умершего. Появляются железные изделия, но наконечники стрел остаются бронзовыми. В Туве, как и в других горных районах, представлена еще одна группа памятников – петроглифы, на которых часто изображены олени, лоси, горные козлы.

Хозяйство. Социальный строй. Идеология. Тува – это горная страна. Здесь есть немало пастбищных угодий, исключительно богатых кормами. Основой экономики населения являлось скотоводство. При большом значении коневодства

ведущее место занимало овцеводство. Овцы были источником мяса, молока, шерсти для одежды и войлока и т. д. Охота играла второстепенную роль. В условиях высокогорья вряд ли удавалось развивать земледелие, но жители Тувы могли получать зерно в результате обмена с соседями.

Известна целая серия рудников, где добывали медь. Тут же найдены каменные молоты и кайлы, роговые кирки, деревянные лопаты и другие орудия рудокопов. Рудники были открытыми (карьеры) и закрытыми (шахты). Около них производилась выплавка меди: найдены горны, глиняные сопла от мехов, обломки литейных форм и сосудов уюкской культуры. Железо начало входить в широкий обиход только на заключительном этапе скифского времени. В более ранний период железные изделия редки, однако железное оружие уже было найдено в богатейшем погребении могильника Аржан-2.

Для социальных отношений характерно разложение первобытно-общинного строя. Судя по аржанским курганам, в Туве в VIII–VI вв. до н.э. существовали крупные племенные союзы и шел процесс оформления власти вождя союза племен. Причем этот процесс наблюдался здесь раньше, чем у других племен Сибири. Но, видимо, дальше этого развитие общества не пошло. Вероятно, заложенная в нем система, в силу каких-то специфических обстоятельств, не смогла развиваться до уровня сложения раннего государства, как это было в V–III вв. до н.э. у населения Горного Алтая и Минусинской котловины. Как показывает материал курганов, население делилось на несколько категорий: вождей племенных объединений, родовую знать и рядовых общинников. Причем две последние группы могли иметь и свои внутренние подразделения.

Идеология общества была типичной для народов скифо-сибирской общности. Особое место в веровании населения занимал культ солнца. Об этом свидетельствует план аржанского кургана в виде круга с радиальным делением и курган – храм солнца Улуг-Хорум. Вероятно, к оставившим курган Аржан-1 древним жителям Тувы можно отнести слова Страбона о саках: “*Богом они почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней*” (Страбон, кн. XI, гл. VIII, 6).

Очень часты находки бронзовых и костяных изделий прикладного искусства, выполненные в зверином стиле. Среди них особо выделяются роговые гребни с художественными изображениями животных и бронзовое зеркало с фигурной ручкой в виде сцены терзания зверей. Встречаются и высокохудожественные, сложные в композиционном решении золотые изделия. Например, обнаруженное на площади могильника *Тээрге III* золотое навершие со сценой охоты на кабана с собакой (рис. 38). Антропоморфные изображения единичны. К скифскому времени относится и часть тувинских петроглифов. На них изображены олени, горные козлы и лоси с поджатыми ногами, крылатое копытное животное, маралы с древовидными рогами и т. д.

Все вышесказанное ярко свидетельствует о том, что культура населения Тувы входила в состав скифо-сибирской общности, хотя и имела свои специфические особенности. После исследования курганов Аржан-1 и 2, имеющих столь ранние датировки, у ученых появилось больше оснований для предположения о центральноазитском очаге формирования некоторых традиций скифо-сибирского мира, в частности, деталей погребальной обрядности, элементов материальной культуры и скифо-сибирского звериного стиля.

СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Культуры скифо-сибирского облика известны на территории Монголии и Китая, главным образом на участках, непосредственно соприкасающихся с Алтаем, Восточным Казахстаном и Тувой. Материал представлен могильниками, случайными находками и своеобразными памятниками – оленными камнями, которые занимают особое место в археологии и искусстве скифо-сибирского мира.

Оленные камни – это культовые, высокие и узкие каменные стелы, видимо, символизирующие человека – воина с оружием (рис. 36, 4, 5). Эти изображения очень схематичны, на них не детализированы голова, лицо, руки. Изображение лица на них может лишь угадываться по имеющимся иногда изображениям серег и шейных украшений. Встречаются выбитые пояса с подвешенными на них предметами вооружения, а также силуэты различных животных, чаще всего оленей в стремительном беге – полете. Отсюда и пошло название – оленные камни. Стоящие олени располагаются “на цыпочках”, что является характерным для изображения этих животных в наиболее раннем скифо-сибирском искусстве. Очевидна связь оленных камней с обрядностью древнего населения. Они возвышаются среди погребальных сооружений, небольших каменных кладок и куч жертвоприношений.

Оленные камни известны в различных районах Евразии (рис. 39). По данным монгольского археолога Д. Цэвэндоржа, всего к настоящему времени известно более 700 оленных камней в различных регионах, но основное их количество (около 550) обнаружено на территории Монголии. В Забайкалье их известно около 12, в Саяно-Алтае – 20, в Горном Алтае – 60, в Казахстане и Средней Азии – 20, а в западных областях Евразии (на Южном Урале и даже в Причерноморье, а также в других регионах, вплоть до Западной Европы) известно лишь 12 оленных камней. Обломки оленных камней найдены и в кладках курганов Аржан-1 и Аржан-2. Регион распространения

оленных камней очень широк, а сами камни имеют ряд общих или близких компонентов декора. Они явно не могли быть предметом “ввоза”, а изготавливались на местах. Это является еще одним основанием для объединения региона их распространения в общекультурное пространство эпохи поздней бронзы – раннего железного века. Хронология их бытования XII–III вв. до н.э.

Явное преобладание оленных камней в Монголии некоторые исследователи связывают с традицией их сооружения первоначально на территории Монголии (в бронзовом веке), потом в Центральной Азии, а позднее на западе, но незначительно. Однако это предположение не бесспорно. В целом надо отметить, что оленные камни и скифо-сибирский мир явления не тождественные и, скорее всего, не взаимосвязанные, а лишь тесно соприкасающиеся.

Улангомская культура. На территории Северо-Западной Монголии прослеживается *улангомская* культура, относящаяся к культурам скифо-сибирского облика и получившая свое название от могильника *Улангом*, расположенного почти на границе с Тувой. Раскопки проводились советско-монгольской экспедицией в 1972–1974 гг., материалы на русском языке опубликованы Э.А. Новгородовой в 1989 г. Первоначально погребения были перекрыты курганами – каменными насыпями, которые позже были разобраны при строительных работах местным населением. Встречены захоронения двух видов – в бревенчатых срубках и каменных ящиках, внутреннее устройство которых было однотипным. Датируются они V–III вв. до н.э. Срубы были сложены из 3–4 рядов бревен и в отдельных случаях имели форму усеченной пирамиды. Перекрытие было бревенчатым, пол выстилался жердями или каменными плитками. Каменные ящики сооружались из плит розовато-го гранита.

Погребенные, от одного до трех в могиле, лежали в скорченном положении головами на запад или северо-запад, иногда они были положены

друг на друга. Некоторые из захороненных, как полагает Э.А. Новгородова, погибли в результате военных действий: на черепах прослеживаются следы ударов чеканами, кинжалами и наконечниками стрел. Население было в основном европеоидным с некоторой примесью монголоидности. Антропологи отмечают у захороненных в более поздних памятниках сильно выраженную монголоидную примесь. Особенно ярко она отмечается у женщин, среди которых встречаются и монголоидные типы.

Почти в каждой могиле обнаружены сосуды, глиняные и реже деревянные. Это банки и вытянутые кувшины. Имеются фляжки с уплощенным туловом. Встречается расписной геометрический орнамент, выполненный черной краской. На одном сосуде предположительно нанесены буквы неизвестного алфавита. Часты горизонтальные каннелюры. Уникален сосуд, на котором узенькими налепами выполнены две фигуры козла и одно изображение оленя. Инвентарь близок находкам Алтая и Тувы. Оружие представлено бронзовыми, реже железными, кинжалами, чеканами, бронзовыми и костяными наконечниками стрел (рис. 40). Найден бронзовый котел, в древности заполненный мясной пищей, от которой остались кости. Встречаются изображения животных, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле.

Анализ инвентаря и погребального обряда дает возможность ряду исследователей считать, что улангомская культура сложилась на базе *карасукской* культуры позднего бронзового века. Характерной особенностью хозяйства для населения Монголии, по сравнению с Тувой, являлось широкое использование наряду с лошадьё и такой транспортной силы как верблюд, более приспособленный к сухому характеру климата данного региона, крайне бедному источниками воды.

Ко II в. до н.э. население полностью сменилось, “улангомцы” были вытеснены новым монголоидным населением. Это, судя по китайским источникам, были хунну, подчинившие своему влиянию население Монголии. Улангомская культура может быть отнесена к культурам скифо-сибирского мира.

Синьцзян. Со скифо-сибирским кругом связана культура населения, проживавшего на северо-западе Китая, в регионе *Синьцзян*, расположенном к югу от Горного Алтая, в южных предгорьях Тянь-Шаня. Этот район Северо-Западного Китая в отечественной литературе часто называют Восточным Туркестаном, поэтому иногда говорится о древностях Восточного Туркестана. Само название Синьцзян на китайском языке обозначает

“новая граница”. Географическое расположение Восточного Туркестана между Восточно-Китайской равниной, Тибетским нагорьем, горными системами Тянь-Шаня и Памира, степями Монголии и Саяно-Алтайским нагорьем определило его исключительную роль в процессе контактов различных культур, связывая кочевые и оседло-земледельческие народы Средней, Центральной и Восточной Азии.

История народов, проживавших в Синьцзяне в интересующее нас время, отражена в археологических памятниках (могильниках) и в китайских письменных источниках. Разнообразные известия об “иноземных” (с точки зрения китайцев) народах постоянно включались в различные по характеру тексты (династийные хроники, историческую и художественную литературу) начиная, по крайней мере, с VII в. до н.э. Ранние рассказы о “северных варварах” собрал в “Ши Цзи” (Исторические записки) Сыма Цянь (конец II–начало I в. до н.э.). Все эти сведения отрывочны и кратки. Кочевники, населявшие Центральную Азию, включая горно-степные районы Восточного Туркестана и нынешней провинции Ганьсу, именуются Сыма Цянем *жу* и *ди*, а позднее их стали называть *ху*.

Уже с XVIII в. русскими и западноевропейскими исследователями китайские тексты стали использоваться в качестве источника для изучения истории народов Азии, в том числе и Сибири. Среди первых русских переводчиков и исследователей китайских текстов можно назвать священника Спафария. Наиболее известным является выдающийся труд Н.Я. Бичурина (Иакинфа), “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”. И хотя его первое издание появилось в 1851 г., оно до сих пор является незаменимым, и поэтому неоднократно переиздавалось.

В археологическом отношении Синьцзян изучен хуже примыкающих к нему территорий Средней Азии, Южной Сибири и Монголии. Сведения об археологических памятниках этой местности стали накапливаться с XIX в. В 1870–80-х гг. через Центральную Азию прошли маршруты экспедиций Н.М. Пржевальского и Г.Е. Грум-Гржимайло, которые упоминают о развалинах древних городов и находках погребений с набальзамированными телами, хорошо сохранившейся одеждой и украшениями. Первая специальная археологическая экспедиция в Восточный Туркестан была организована Академией наук России в 1898 г. под руководством Д.А. Клеменца. Наряду с отечественными учеными-востоковедами значительный вклад в изучение древностей Синьцзяна внесли

западноевропейские ученые. Однако большая часть полученных материалов относилась не к эпохе ранних кочевников, а к более поздним временам.

Во второй половине XX в. наблюдается подъем археологических исследований в Синьцзяне, причем, в отличие от предыдущего времени, они ведутся главным образом силами китайских археологов. В 1959 г. в Китае создан Синьцзянский исторический музей, а затем и институт археологии и памятников материальной культуры.

Среди культур, выявленных в Синьцзяне, находится и культура эпохи раннего железного века *чауху*, получившая название по одноименному могильнику. Происхождение этой культуры до конца не выяснено. Помимо изделий “скифского облика”, в ее материалах обнаружена расписная керамика со среднеазиатскими аналогиями, с другой стороны, зафиксированы параллели и с местной керамикой более древних культур Китая. Очевидно, что культура *чауху* не была однородной по своему происхождению.

Выявлено около 500 погребений этой культуры. Антропологический анализ погребенных показал полное преобладание европеоидного населения. Материал инвентаря и радиоуглеродные датировки (получено около 50 дат) говорят о том, что время существования этой культуры – 1000–500-е гг. до н.э., причем почти половина датированных погребений относится к раннему периоду. Это дало повод отдельным исследователям развивать концепцию центрально-азиатского происхождения скифской культуры и последующего ее продвижения в Европу и на Кавказ, однако эта теория нуждается в серьезной дополнительной аргументации.

На основании изучения могильников выделяются следующие признаки культуры *чауху*. Погребальные сооружения и обряд обнаруживают значительное разнообразие даже в рамках одного могильника. Захоронения на поверхности отмечались, как правило, каменными выкладками или оградками, под которыми находилось от одной до нескольких могильных ям. Часто к могилам вел короткий и неглубокий дромос. Сверху могила перекрывалась каменными плитами или деревянными плахами, дно могилы могло выстилаться жердями или матами из травы. В некоторых могилах сверху, на каменных перекрытиях, находили черепа и кости сопребенных людей. Погребения чаще всего были вторичными, групповыми, по несколько (до 21) скелетов в одной яме. Среди немногочисленных определимых способов трупоположения (в большинстве случаев кости лежали в беспорядке) выделены два: лежащие скорченные

на боку, головой на северо-запад и вытянутые на спине. Необходимо отметить искусственную деформацию черепов. Могилы взрослых часто сопровождались детскими захоронениями и жертвенными ямами с черепами одной–двух лошадей или верблюдов.

Среди инвентаря представлены керамические, бронзовые, железные, каменные и костяные изделия. Благодаря особенностям ландшафтно-климатических условий Синьцзяна в погребениях сохранились изделия из органических материалов – деревянные предметы и обрывки шерстяных тканей.

Вся обнаруженная керамика изготовлена без использования гончарного круга. В качестве наиболее характерного типа керамики культуры *чауху* выделяются кувшины с ручкой и сливом, верхняя часть которых нередко покрывалась расписным орнаментом. Кувшины со сливом являются индикатором этой культуры. Роспись на них наносилась красным и черным цветом на белую (реже красную) поверхность. Среди мотивов преобладают узоры в виде свешивающихся треугольников, квадратной и ромбической сетки и ломаных волн. Представлены также расписные крынки, чаши закрытой баночной формы с ручкой, ковши и др.

Среди бронзовых изделий преобладают различные по форме ножи, среди них один с навершием в виде стоящего зверя. Представлены также бронзовые удила, обоймы, шилья. Среди находок выделяется комплекс бронзовых вещей скифского облика, причем с довольно ранними датами.

Железных изделий очень немного. Это плохо сохранившиеся ножи и кольца. Из рога и кости изготавливались наконечники стрел, псалии, пряслица, застежки; из дерева – луки и стрелы, блюда, пряслица и приборы для добывания огня трением. Украшения представлены серьгами из золотой (реже серебряной) проволоки; найдено много бус из агата, талька, бирюзы.

Основным занятием населения, судя по археологическим находкам и письменным свидетельствам, было кочевое скотоводство. Сыма Цянь пишет, что главным занятием северных (по отношению к Китаю) племен наряду с выращиванием проса было кочевое скотоводство. “Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей. Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемника у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт состав-

ляют общину. От старейшин до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужении. В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела они решают сами. Войну ставят важным делом” (Бичурин, 1950, т. 1, с. 142–143).

Можно полагать, что общественные отношения у населения были такими же, как у других племен скифо-сибирской общности.

Важно подчеркнуть культурную близость населения Синьцзяна и носителей пазырыкской культуры Горного Алтая в эпоху раннего железа. В археологическом плане она проявляется многими аналогичными находками. Близкими у жителей этих двух регионов оказались деревянная и глиняная посуда, одежда и другой инвентарь.

По совершенно различным причинам в могилах Синьцзяна и Горного Алтая сохранились предметы из органических материалов и мумии. В Синьцзяне это было вызвано крайне сухим климатом, высоким содержанием солей в почве, неглубокими и неплотно закрытыми могилами, вырытыми в рыхлом грунте. Могилы заполнялись сухими ветками, камнями, песком и шкурами животных, что обеспечивало их хорошую вентиляцию. В результате этого погребенные обезживались и высыхали. Так вес мумии одной женщины при росте 155,8 см достигал лишь 10,7 кг. В отдельных случаях отмечена раскраска тела. Население Синьцзяна, как и Горного Алтая, было в основном европеоидным.

Исследователи отмечают большое сходство одежды у населения этих двух регионов: одинаковые по цвету и крою мужские штаны, женские юбки, женские головные уборы, войлочные шлемы и т. д. Определенной близостью отличаются и изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Н.В. Полосьмак говорит об этнической однородности населения Горного Алтая и Синьцзяна в раннем железном веке. Его основным занятием было скотоводство. Но скотоводство этих двух регионов не было совершенно идентичным. Отличие заключалось в видовом составе транспортной силы. У пазырыкцев ею были кони. В Синьцзяне помимо коней значительную роль играли верблюды. В условиях полупустынной и пустынной местности верблюды были незаменимы и использовались как верховые и вьючные животные.

Ордос. Вторым районом Китая, где были найдены предметы скифо-сибирского облика, является *Ордос*. Это пустынное горное плато на севере Восточного Китая в автономном районе Внутренней Монголии, в его западной части. Именно тут

были найдены многочисленные изделия, вошедшие в литературу под названием “ордосские бронзы”. Это различные предметы вооружения, конского и поясного наборов. Среди них имеются изделия эпохи поздней бронзы, скифского и гунно-сарматского времени. Все они в основном представляют случайные сборы, находки во время грабительских раскопок начала XX в. и материалы из раскопок китайских археологов в 1960–1980 гг. Поскольку предметы скифо-сибирского типа представлены преимущественно случайными находками, мы не можем говорить о какой-либо конкретной археологической культуре, связанной с этим явлением.

Наиболее часто ордосские художественные бронзы представлены крупными прямоугольными поясными пластинами (см. рис. 41). На них обычно бывают изображены сцены борьбы и терзания животных, статичные изображения одного или двух животных, а также сцены эпического содержания, в которых участвуют люди. Реже встречается геометрический орнамент. Все они хорошо укладываются в хронологическую последовательность в пределах IV–I вв. до н.э. Подобные пластины обнаружены и за пределами Китая на юге Сибири и Урала в зоне распространения скифо-сарматских памятников.

Изделия скифо-сибирского облика не связаны с местными традициями, уходящими в эпоху бронзы. Они появляются здесь в середине I тыс. до н.э. с запада, возможно, вместе с передвижением какой-то группы населения. Звериный стиль, попав на благодатную местную почву, переживает здесь пышное развитие. Одни исследователи относят его к V–III вв. до н.э., другие говорят о IV–II вв. до н.э. Существуют различные точки зрения на появление в Северном Китае изделий в скифо-сибирском зверином стиле. Как полагают одни исследователи, они попали в Ордос вместе с населением, которое позже вошло в состав племенного союза хунну. Изделия в скифо-сибирском зверином стиле на почве Ордоса получили свои специфические отличия, и в таком виде они были принесены на запад вместе с продвижением хунну. Другие исследователи полагают, что наиболее распространенный в ордосских бронзах сюжет – хищник, терзающий голову или целого травоядного животного, – родился в Ордосе и отсюда был перенесен в Горный Алтай, где такие сцены встречаются достаточно часто.

Таков краткий очерк самого восточного распространения археологических культур и памятников, связанных с широким кругом скифо-сибирской культурной общности.

Список рекомендуемой литературы

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.* Типология поселений Алтая VI–II вв. н.э. – Барнаул, 1997.
- Аржан.* Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб., 2004.
- Богданов Е.С., Кузнецов Д.В.* Ордосские художественные бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 104–111.
- Вадецкая Э.Б.* Сказы о древних курганах. – Новосибирск, 1981.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии /* Отв. ред. Б.А. Литвинский. – М., 1992.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура /* Отв. ред. Б.А. Литвинский. – М., 1995.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980.
- Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. – Л., 1958.
- Грязнов М.П.* Аржан. – Л., 1980.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003.
- Комиссаров С.А.* О бронзовых изделиях культуры чауху (Восточный Туркестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 345–349.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск, 1988.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. – М., 1979.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск, 1993.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск, 1994.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск, 2000.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). – Новосибирск, 2005.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск, 1997.
- Молодин В.И.* Древности плоскогорья Укок. Тайны, сенсации, открытия. – Новосибирск, 2001.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.* Айдашинская пещера. – Новосибирск, 1980.
- Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы по данным археологии, антропологии, генетики.* – Новосибирск, 2000.
- Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. – М., 1989.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987.
- Полосьмак Н.В.* Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // *Altaica.* – Новосибирск, 1994. – № 4. – С. 3–10.

- Полосьмак Н.В.* Стерегищие золото грифы. – Новосибирск, 1994.
- Полосьмак Н.В.* Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Т. 4. – Новосибирск, 1998.
- Полосьмак Н.В.* Военские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.
- Полосьмак Н.В.* Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 96.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая. – М.; Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая. – М.; Л., 1960.
- Савинов Д.Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб., 1994.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1994.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск, 2004.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.* Могильник скифского времени Рагозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул, 2005.
- Феномен алтайских мумий.* – Новосибирск, 2000.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана // Труды гуманитарного факультета НГУ. Сер. V. Учебно-методические пособия. – Новосибирск, 2002.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. № 2. – С. 115–139.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.* Золотые звери из Долины царей. – СПб., 2004.
- Шульга П.И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003.

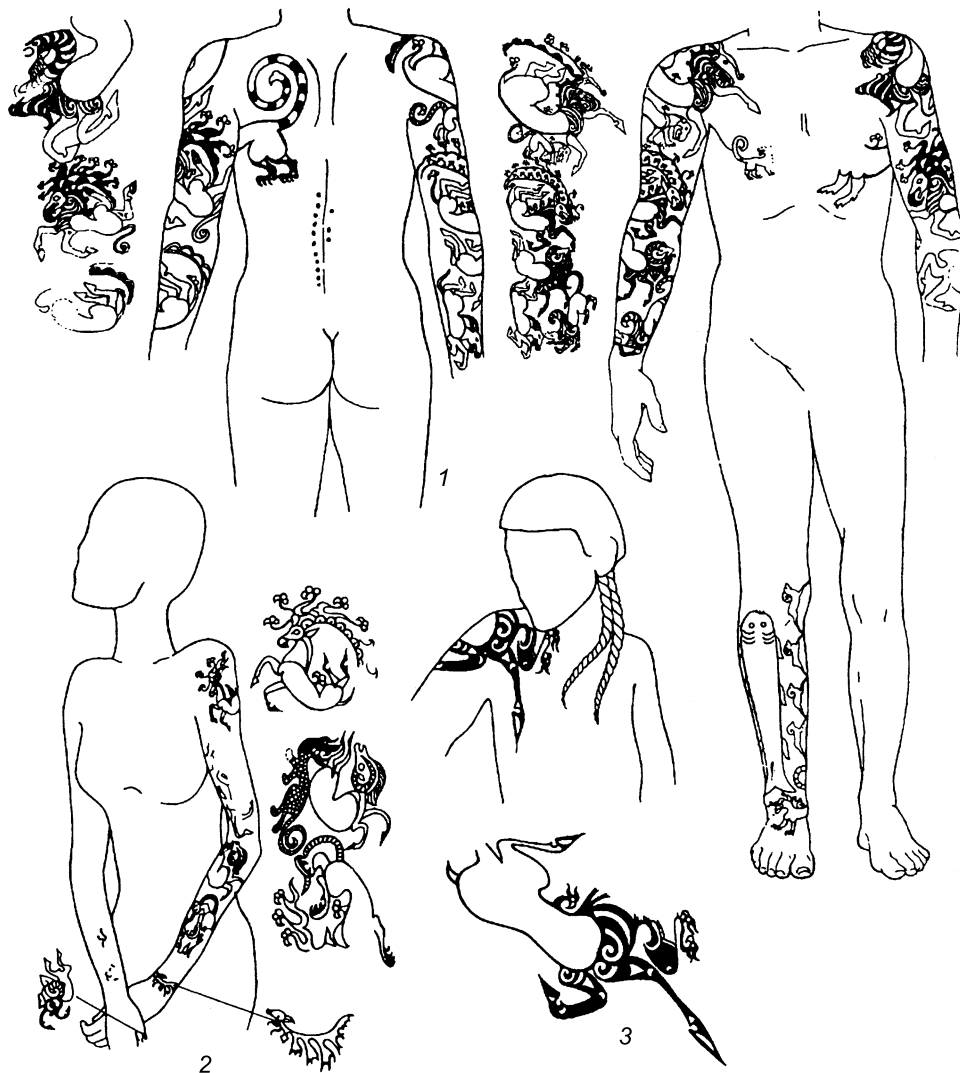

Рис. 19. Татуировка на телах пазырыкских мумий.

1 – Второй Пазырыкский курган; 2 – могильник Ак-Алаха-3, курган № 1; 3 – могильник Верх-Кальджин II, курган № 3 (по: Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000, № 4 (4), с. 96, рис. 1).

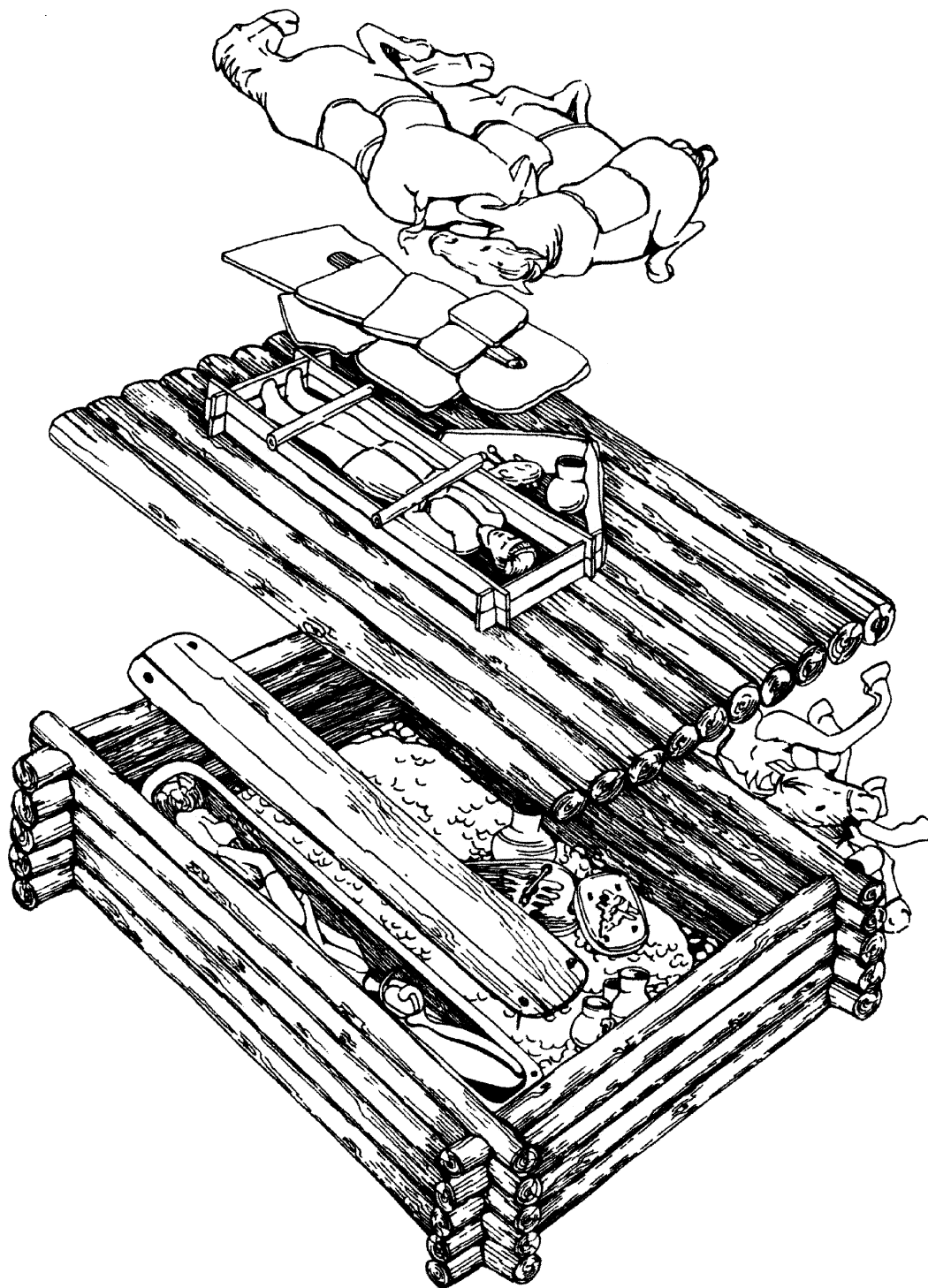

Рис. 20. Реконструкция погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (по: Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырькской женщины на плато Укок // Altaica. – Новосибирск, 1994, № 4, с. 3–10, рис. 1).

Рис. 21. Реконструкция наряда женщины, захороненной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3
(по: Полосьмак Н.В. Погребение...; рис. 2).

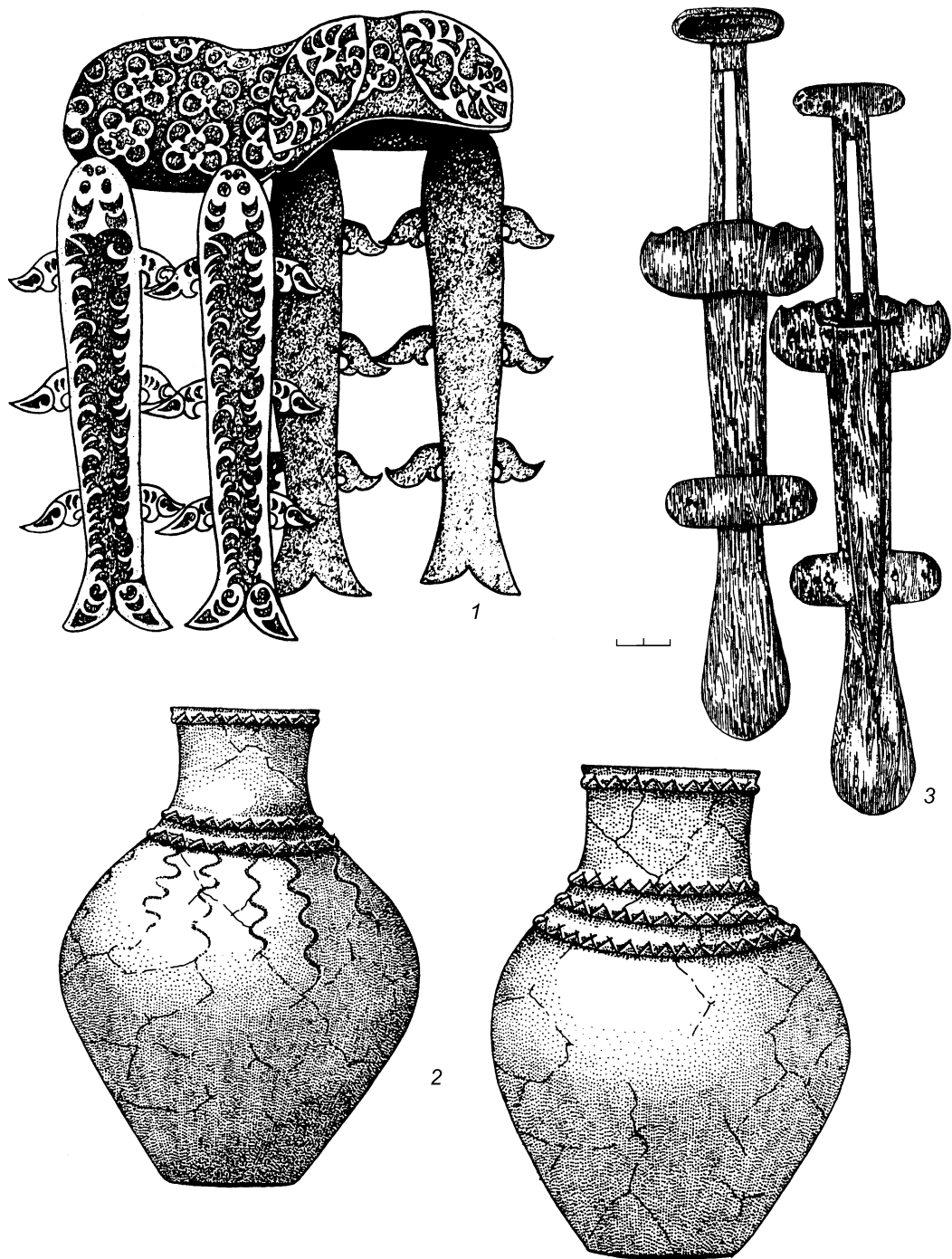

Рис. 22. Находки из курганов долины Укок (Горный Алтай).

1 – реконструкция мягкого седла (по Н.В. Полосьмак), Ак-Алаха-1, курган № 1 (по: Левин М. Особенности палеопатологии лошадей эпохи раннего железа // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000; с. 243–249, рис. 270); 2 – сосуды, Ак-Алаха-3, курган № 1 (раскопки Н.В. Полосьмак) (по: Молодин В.И., Ламина Е.В. Технологический анализ керамических сосудов // Феномен...; с. 140–143, рис. 167); 3 – деревянные кинжал и ножи, Верх-Кальджин II, курган № 3 (раскопки В.И. Молодина) (по: Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен...; с. 86–119, рис. 136).

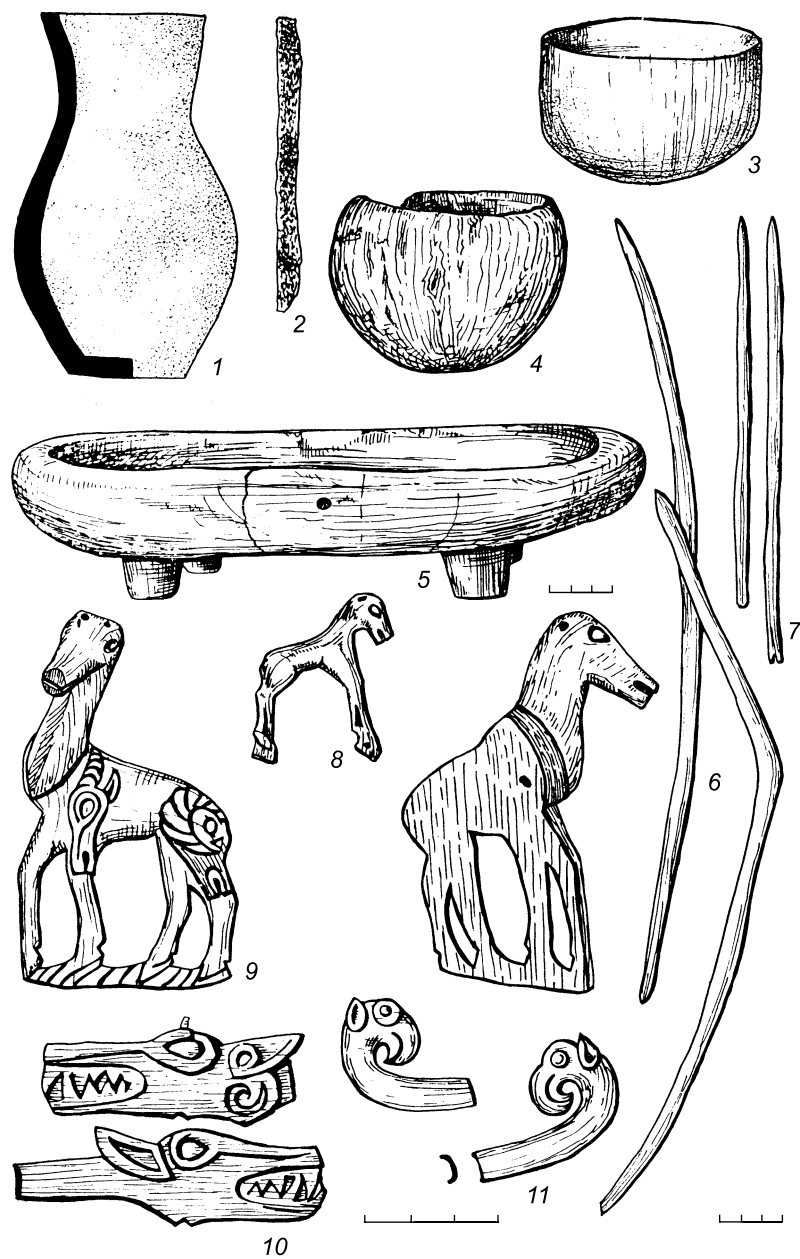

Рис. 23. Предметы из кургана 6. Уландрык I
(по: Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987; с. 215, табл. XIV).

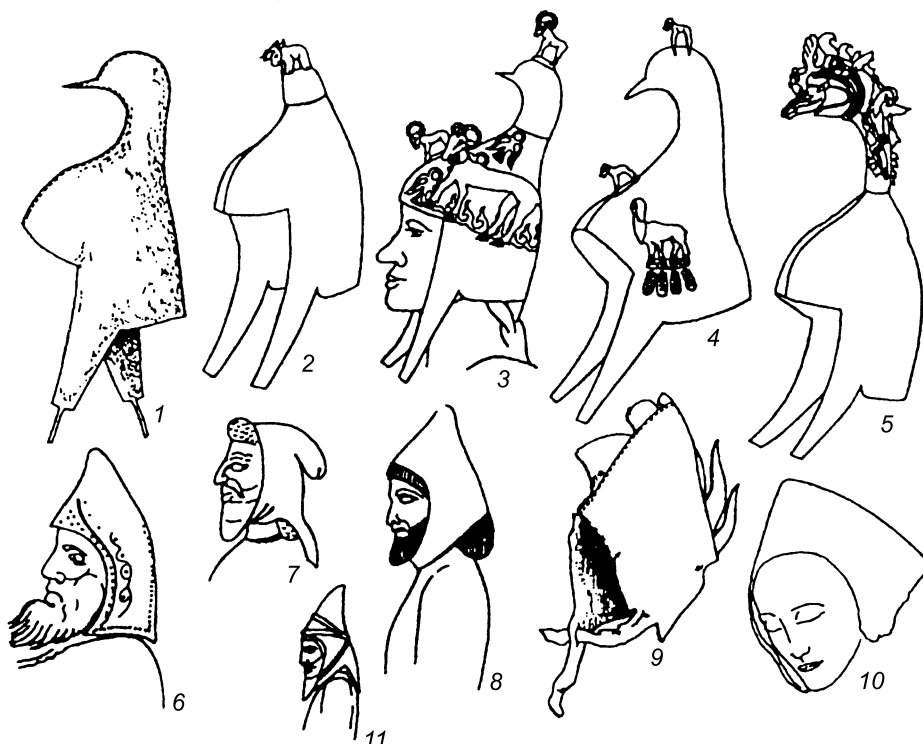

Рис. 24. Исторические параллели пазырыкским воинским шлемам.

Головные уборы-шлемы: 1–4 – из курганов пазырыкской культуры Укока (1 – курган 1, могильник Верх-Кальджин II, погребение мужчины; 2 – курган 2, могильник Ак-Алаха-1, погребение ребенка; 3 – курган 1, могильник Ак-Алаха-1, погребение девушки; 4 – курган 3, могильник Верх-Кальджин II, погребение мужчины); 5 – Второй пазырыкский курган, погребение мужчины; 6 – скифский колпак; 7 – головной убор зороастрийских жрецов и воинов, изображенных на votивных золотых пластинах из Амударьинского клада; 8 – сакский шлем, изображенный на “воинах в трауре” на персепольском барельефе; 9 – войлочный колпак из погребения с мумией в могильнике Wuru (Синьцзян); 10 – войлочный колпак из погребения в могильнике Гу-му-гоу (Синьцзян); 11 – сакский шлем, изображенный на воинах, несущих дань (Ападана, восточная сторона) (по: *Полосьмак Н.В.* Воинские шлемы пазырыкцев // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999; с. 149, табл. 1).

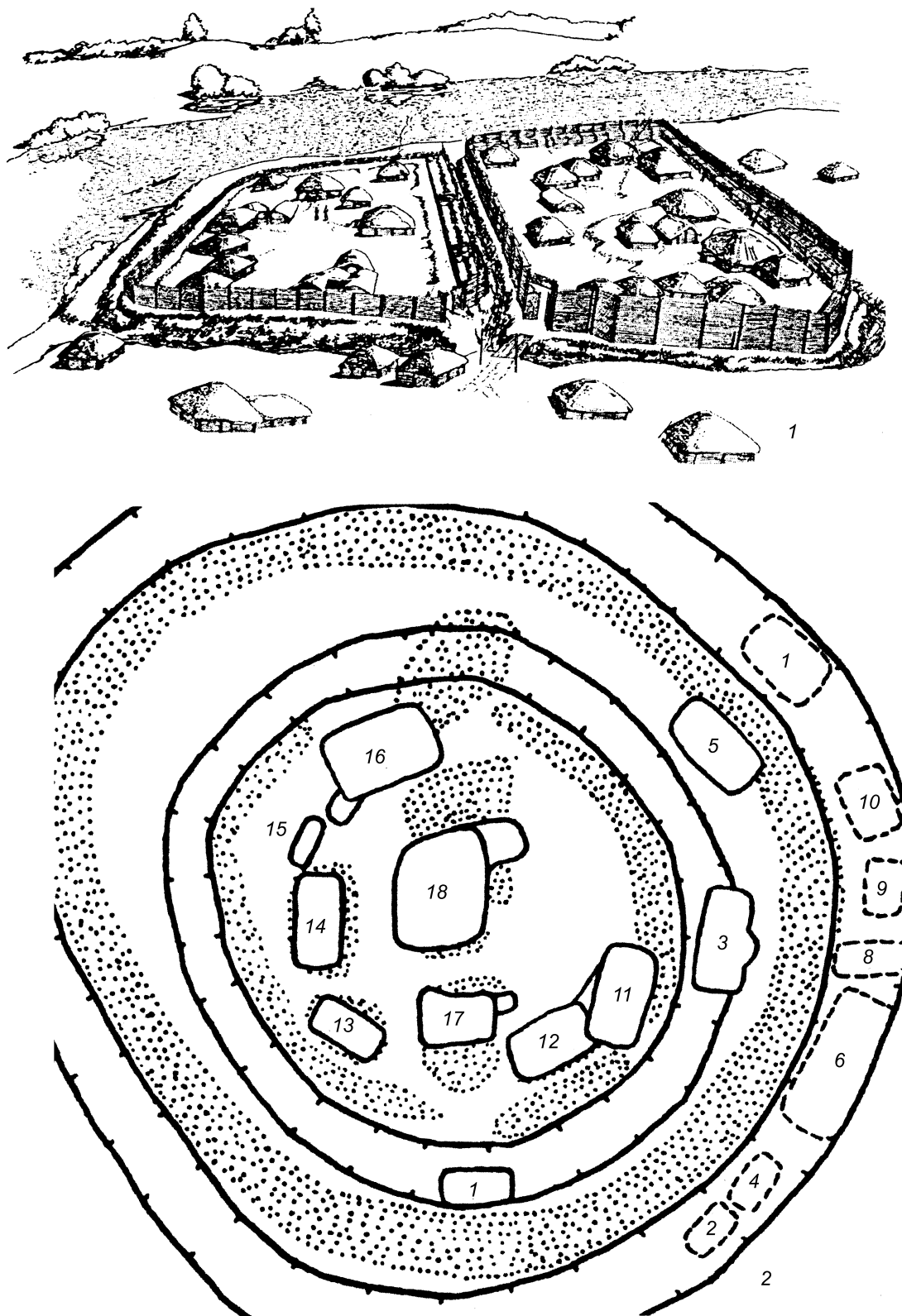

Рис. 25. Памятники саргатской культуры.

1 – реконструкция внешнего вида Рафайловского городища (по: Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чкунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005), 2 – план кургана 4 могильника Аббатский-3 (по: Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994; с. 72, рис. 43).

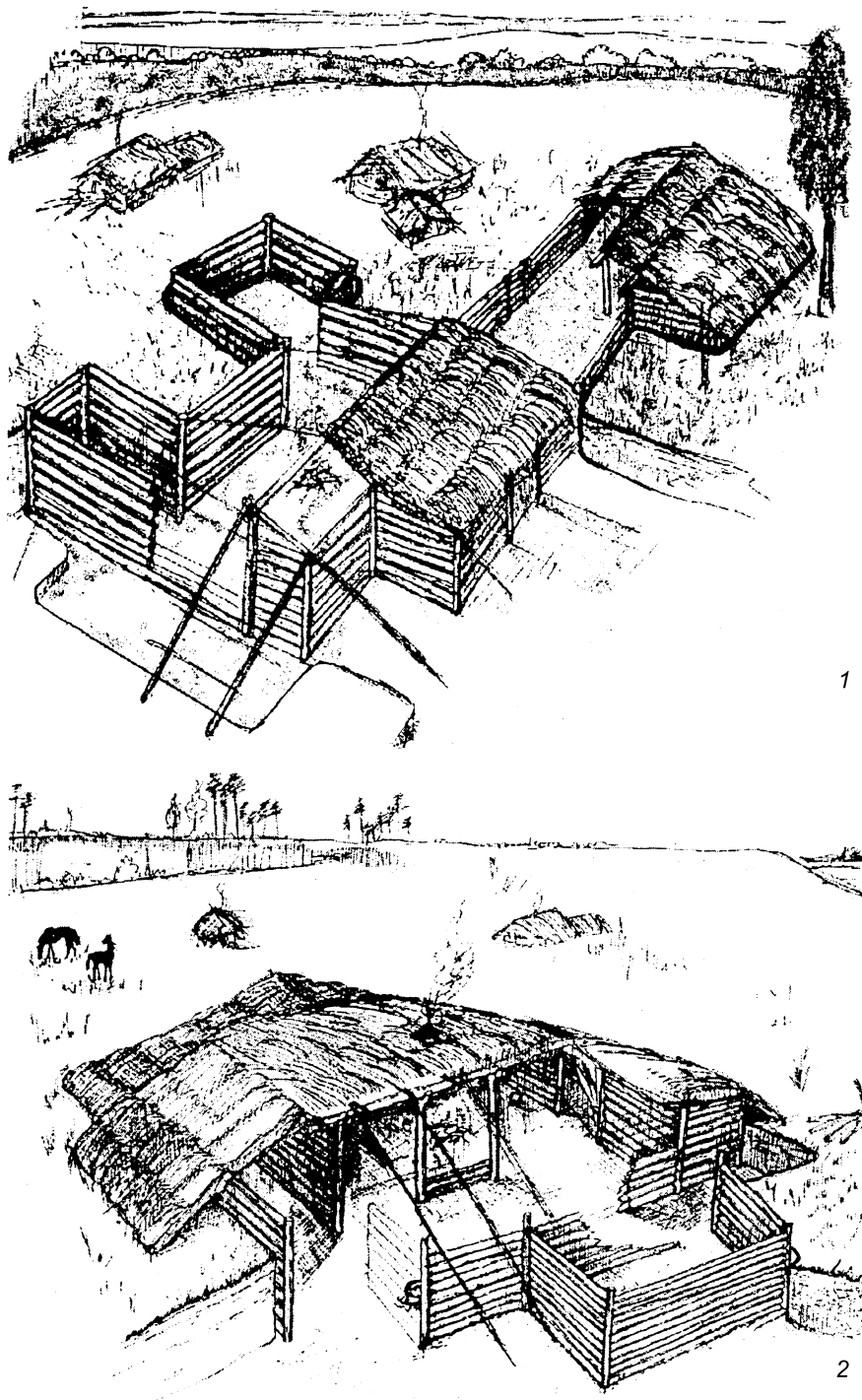

Рис. 26. Реконструкция внешнего вида жилищ саргатской культуры с Рафайловского селища
(рис. Чикуновой И.Ю.)

1 – жилище 6, 2 – жилище 7 (по: Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное...; с. 105, рис. 54).

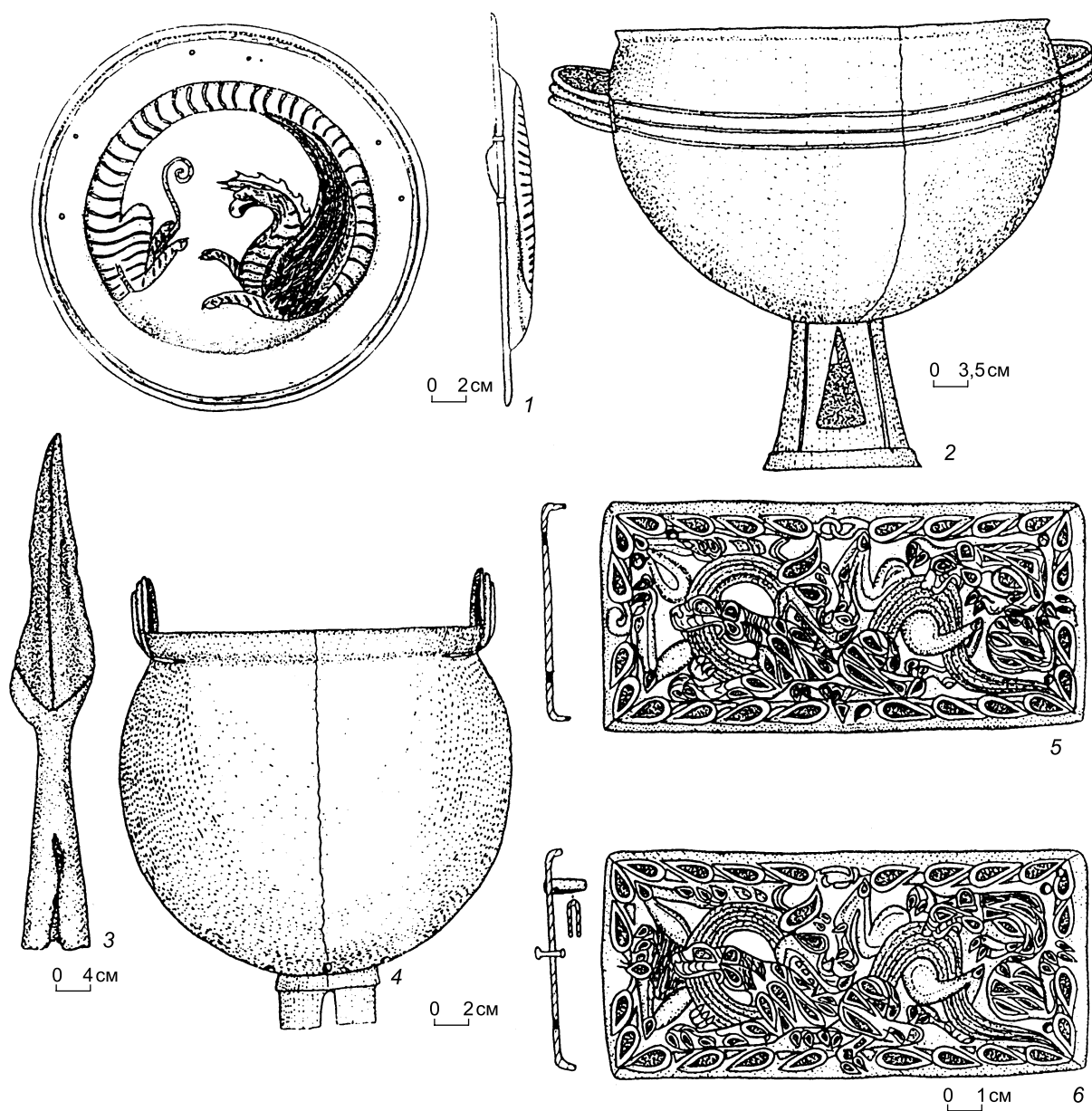

Рис. 27. Материалы саргатской культуры из могильника Сидоровка (курган 1, могила 2).

1 – фалар. Бронза; 2–4 – котлы и наконечник копья. Железо; 5, 6 – золотые наременные накладки (по: Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997; с. 148, рис. 27).

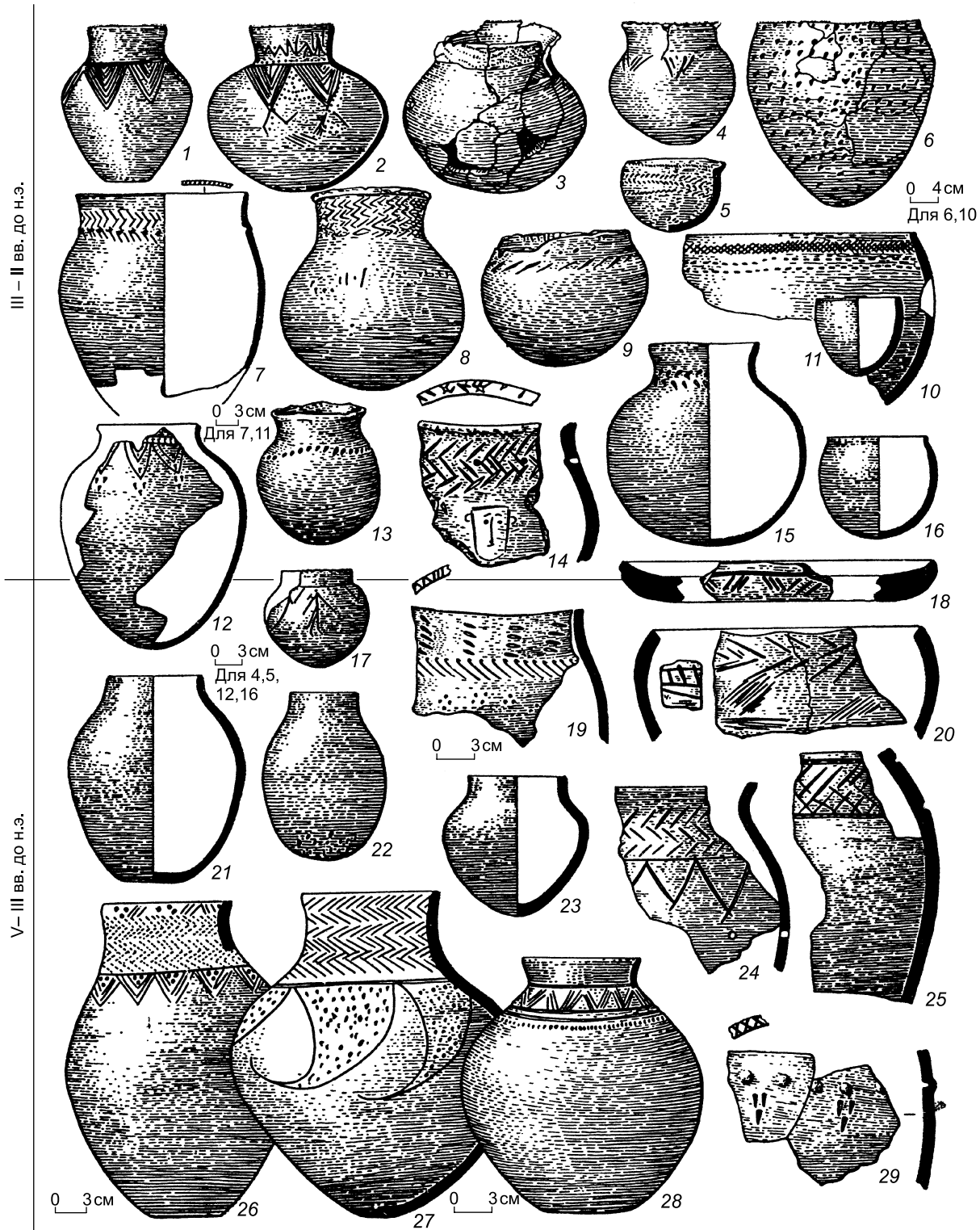

Рис. 28. Саргатская культура. Керамика.

1-16 – III-II вв. до н.э.; 17-29 – V-III вв. до н.э.; 1 – Аббатское; 2, 5, 7, 11, 12, 16 – Красноярка; 3, 13 – Томилово; 4, 9 – Потчеваш; 6, 10 – Вознесенское; 8 – Тюково; 14 – Богданово, городище; 15 – Тютрино; 17, 18, 20 – Узлово; 19 – Инберень IV; 21 – Черноозерье; 22 – Усть-Тартас; 23, 27, 28 – Коконовка; 24, 25, 29 – Коконовка, поселение; 26 – Богданово II (по: *Археология СССР. Стенная...*; с. 477, табл. 127).

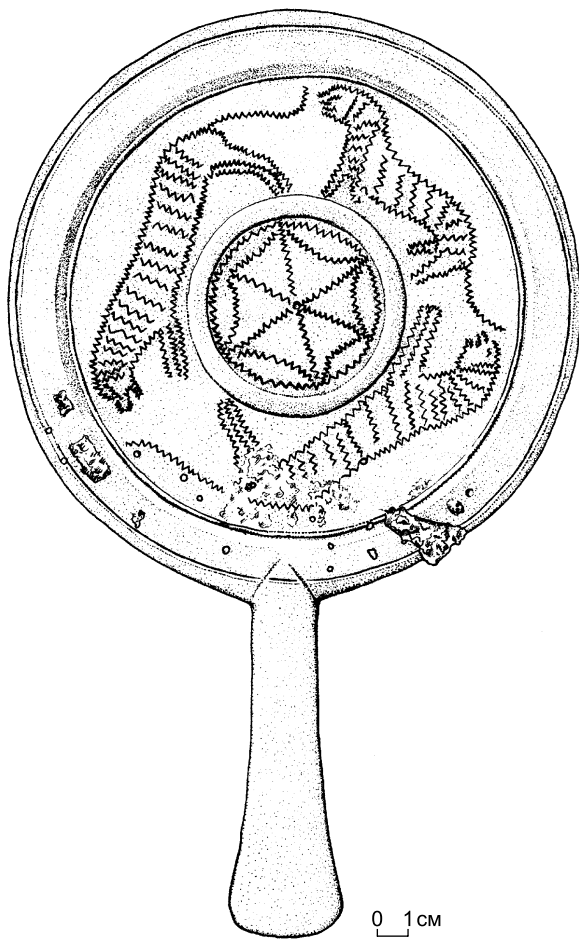

Рис. 29. Бронзовое зеркало. Быстровка-1, курган 1, могила 1 (по: Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994; рис. XXXV).

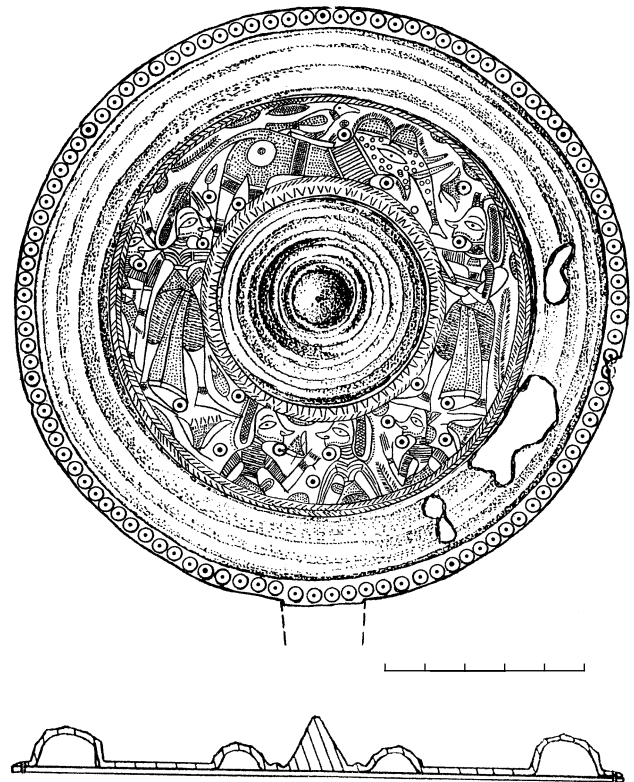

Рис. 32. Рогозиха-1. Курган 5. Зеркало. Тыльная сторона (по: Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005; рис. 12).

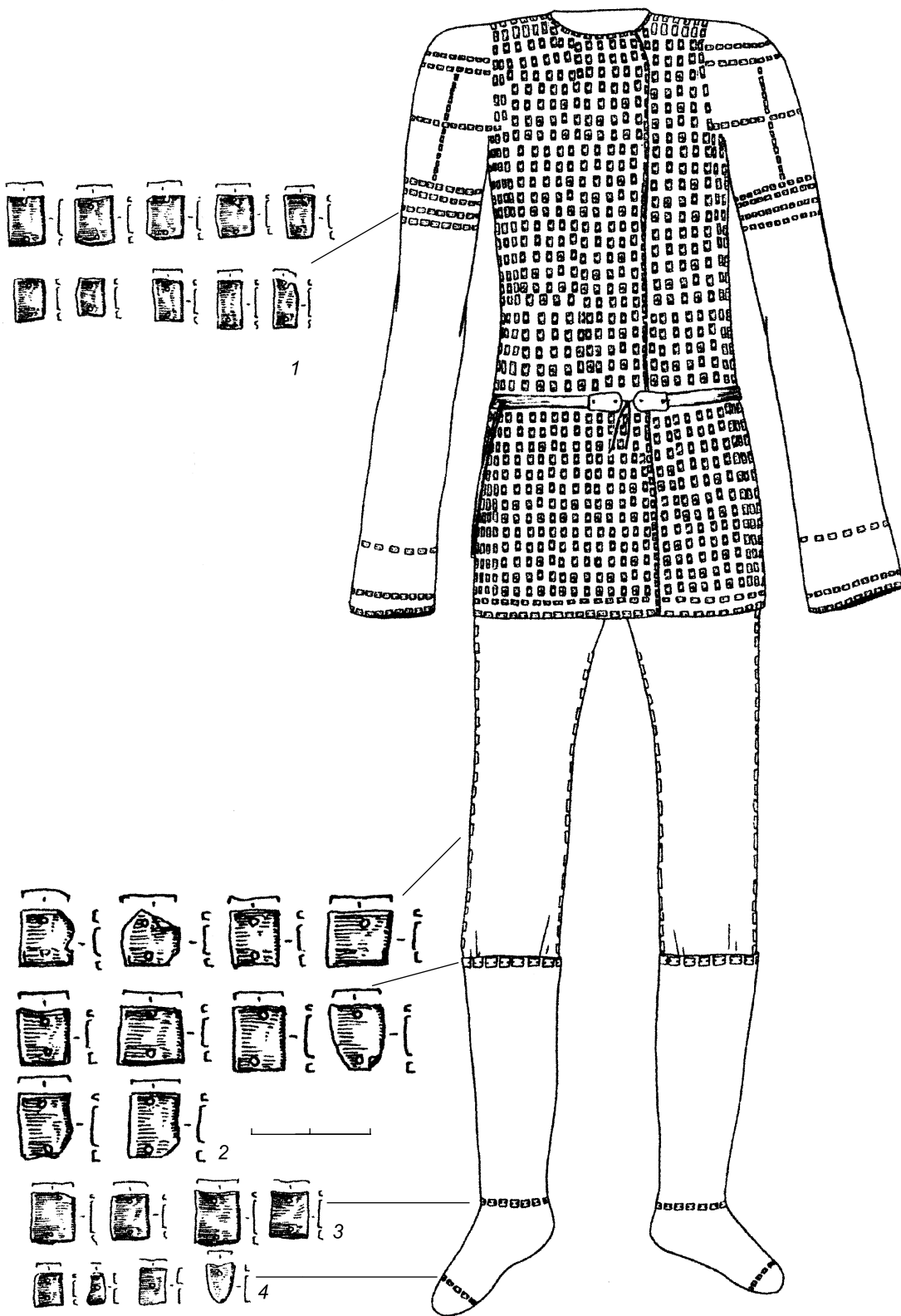

Рис. 30. Курган 9. Могила 1. Реконструкция костюма.

1 – нашивные бляшки с куртки; 2 – бляшки с лампасов и верха голенищ; 3, 4 – бляшки с обуви (по: Шульга П.И. Могилиник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003; рис. 37).

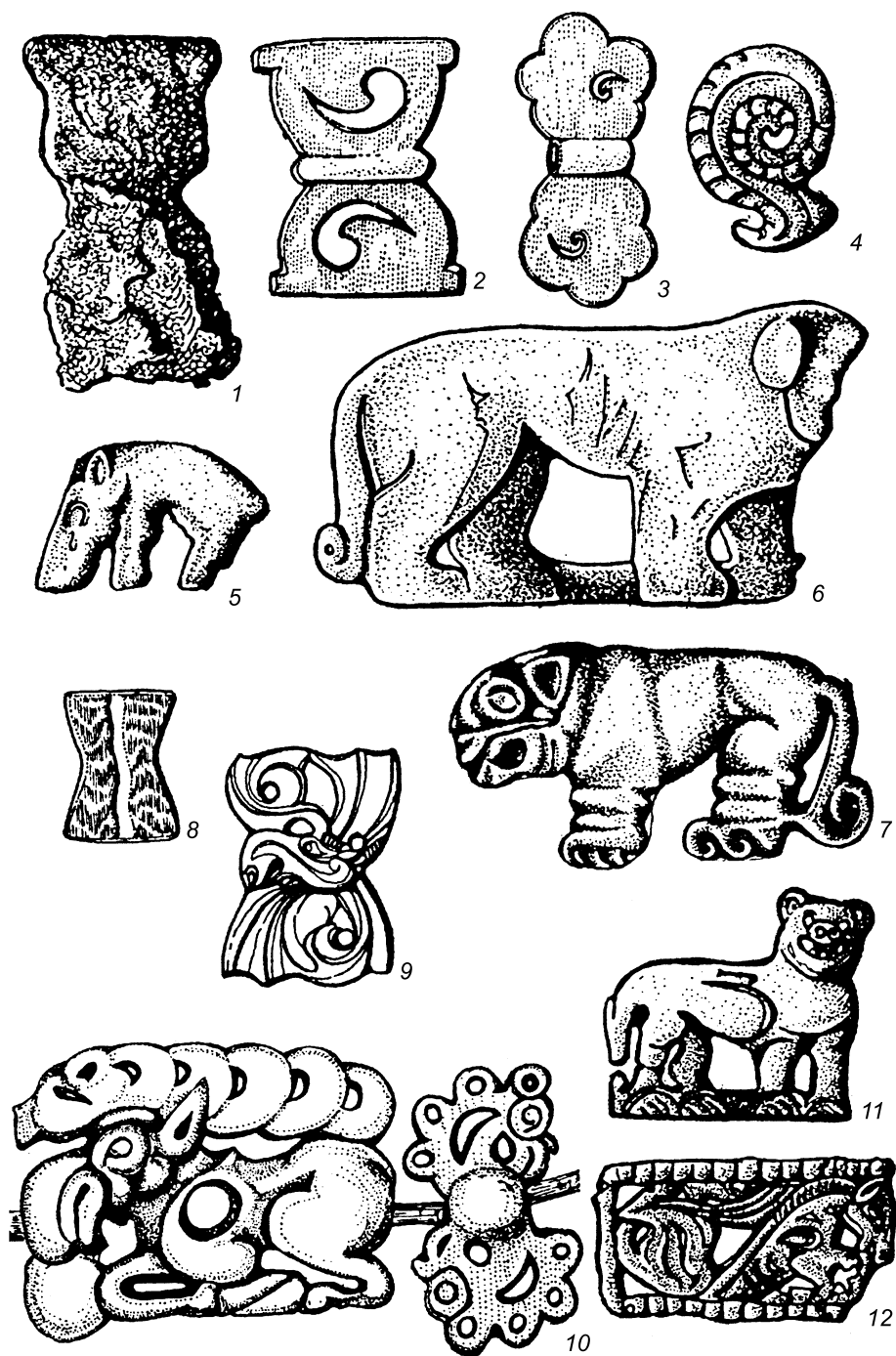

Рис. 31. Декор поясной гарнитуры.

1 – Новый Шарап-1; 2, 6 – Березовка-1; 3 – Крохалевка-4; 4, 5, 7 – Обские Племы; 8 – Марково; 9 – Иссык; 10, 11 – Почта-3; 12 – Новотроицкое II (по: Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская...; с. 89, рис. 19).

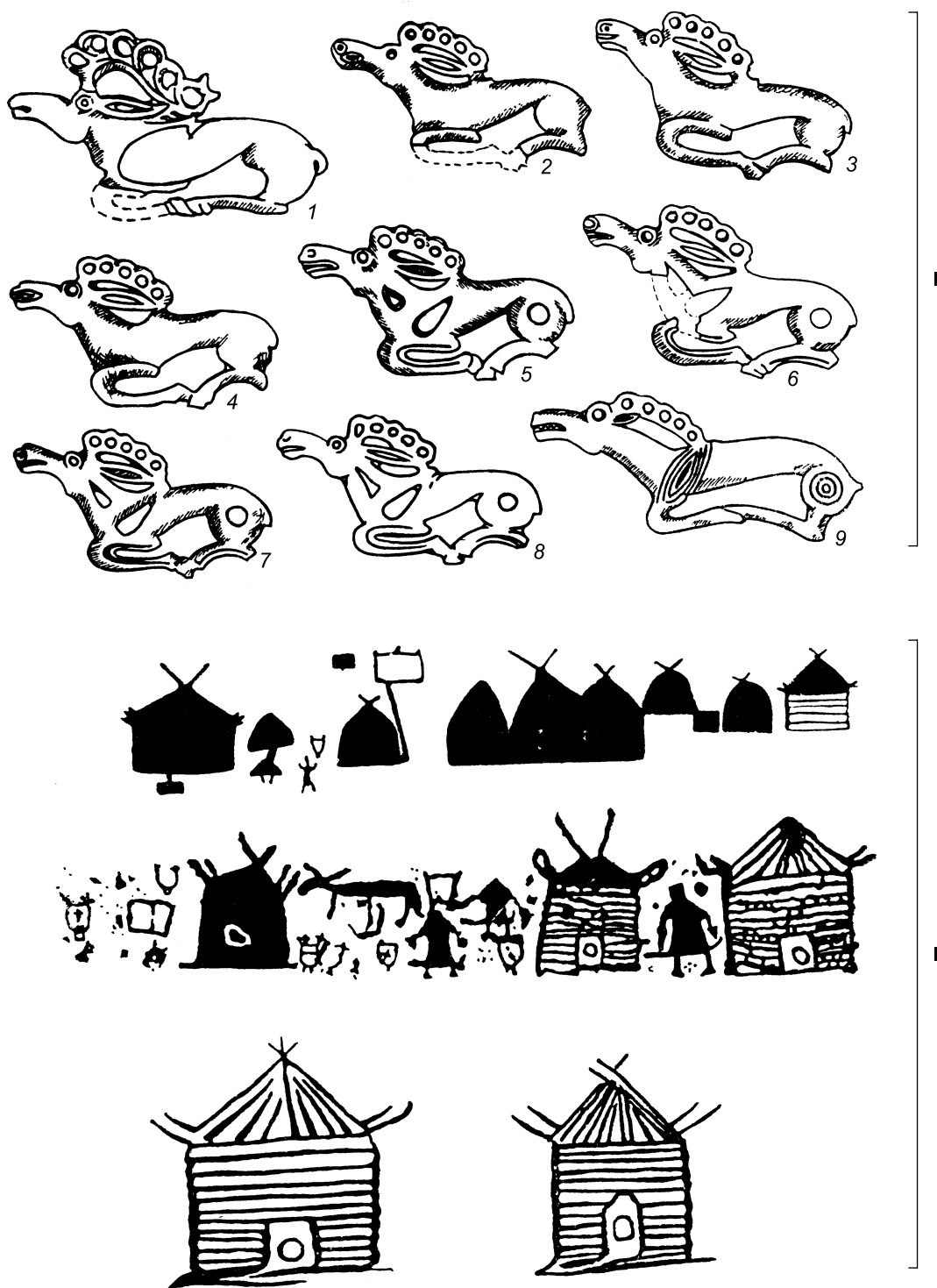

Рис. 33. Искусство тагарской культуры.

I – фигуры оленей: 1 – Тисуль, курган 9, могильник 4. Группа Б, Тисуль: 2 – курган 9, могильник 2; 3 – курган 16, могильник 2; 4 – курган 1; 5 – курган 16, могильник 3; 6 – курган 7, могильник 4; 7 – курган 16, могильник 2; 8 – Шестаково, курган 8, могильник 2. Группа Г: 9 – Тисуль (по: Мартынов А.И. Лесостепная Тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979; с. 195, табл. 41); II – изображения на горе Бояры (по: Мартынов А.И., Алексеев Н.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1986; с. 69, рис. 19).

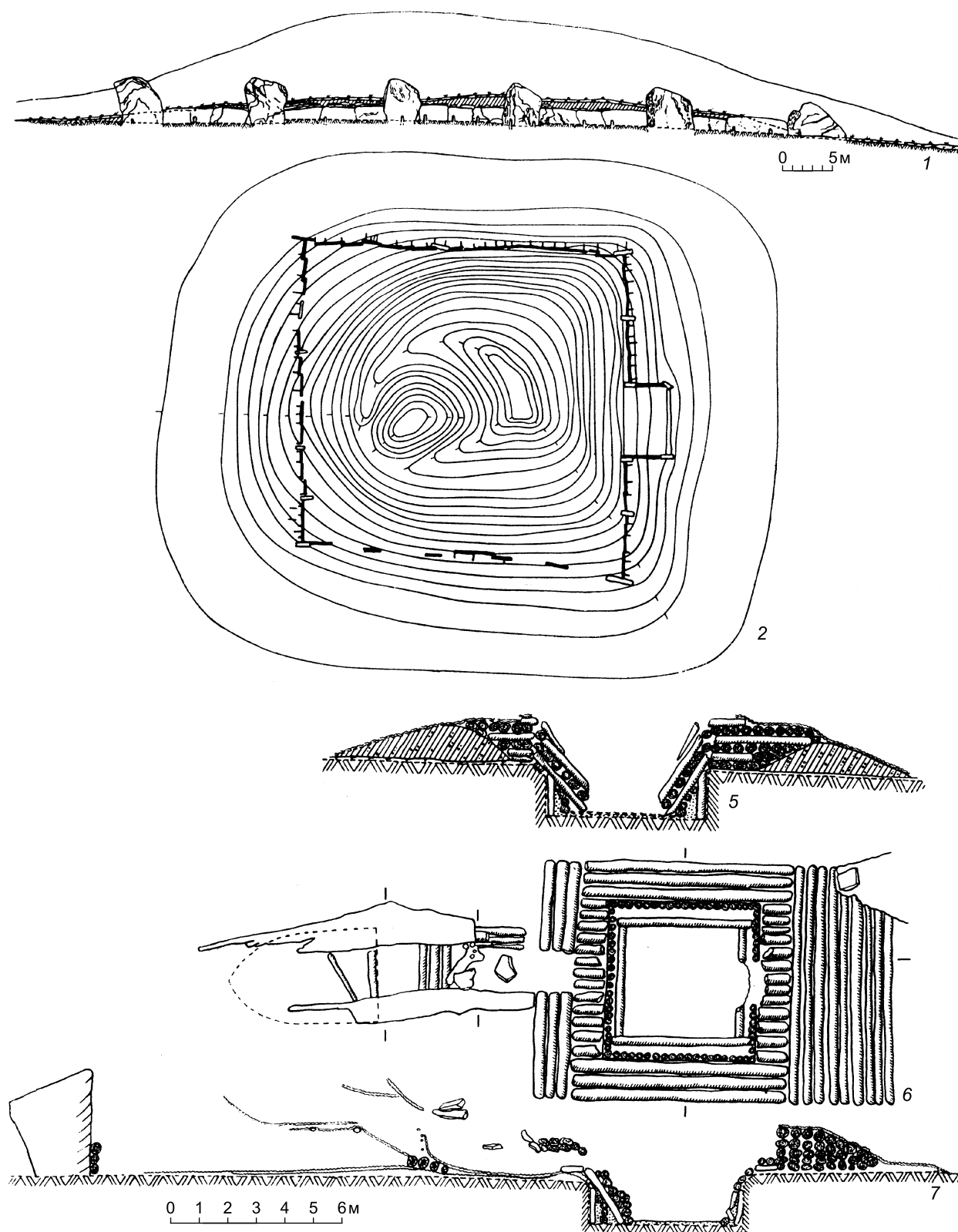

Рис. 34. Тагарская культура. Погребальные сооружения Большого кургана Салбык.

1 – северная стена ограды Большого кургана; 2 – план ограды Большого кургана; 5–7 – план и разрез бревенчатого склепа в Большом кургане (по: *Археология СССР. Стенная...*; с. 441, табл. 91).

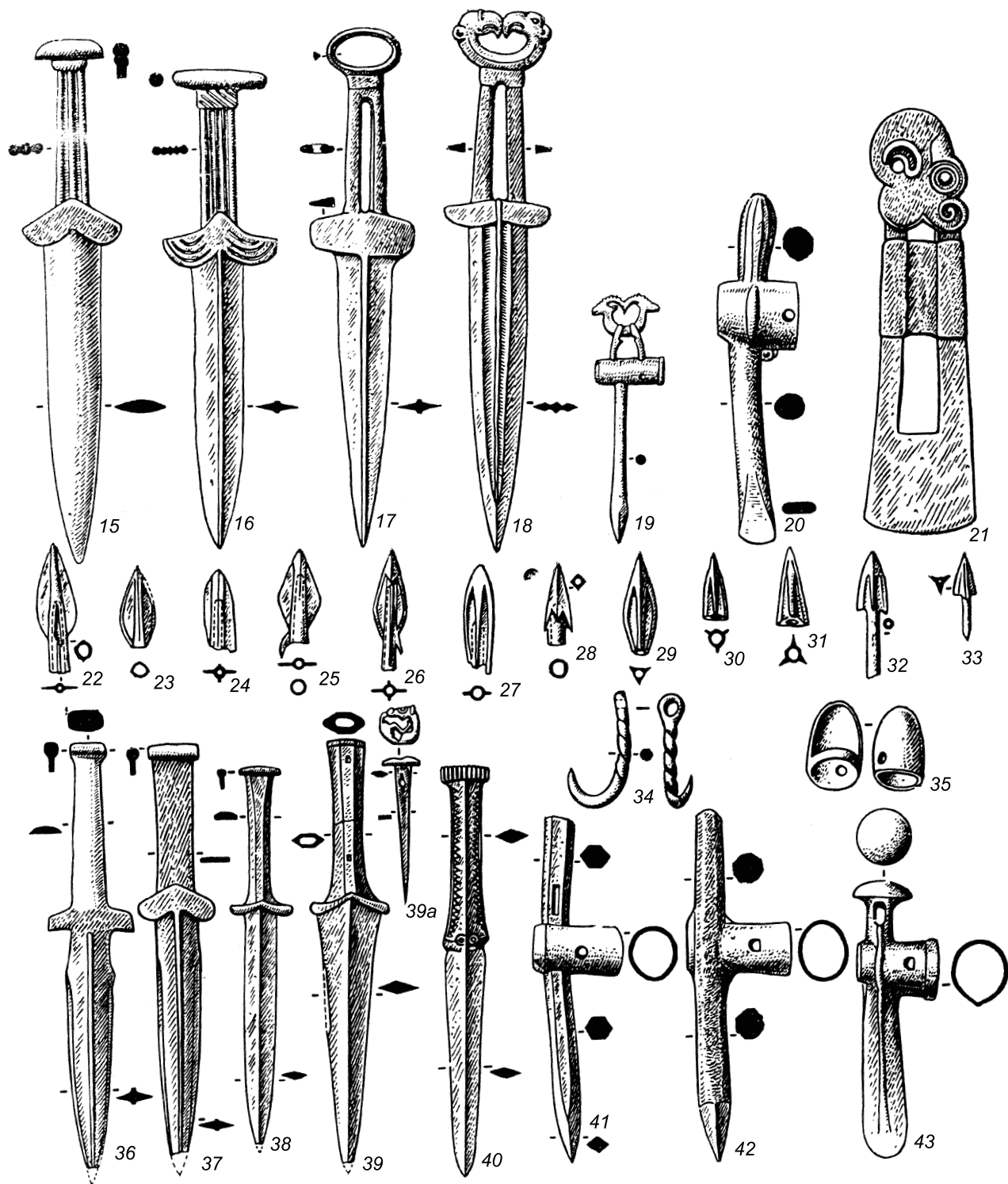

Рис. 35. Тагарская культура. Оружие VII–VI (22–43) и V–III (15–21) вв. до н.э.

15–18 – кинжалы: 15 – Кривая, 16 – Каменка, 17 – Минусинский край, 18 – Анаш; 19 – миниатюрный чекан (Минусинский округ); 20 – проушной топор (Иудина); 21 – секира (Колмакова); 22–33 – наконечники стрел: 22 – Минусинский край, 23 – Сарагаш; 24 – гора Изых, 25 – Игрыш, 26 – Иудина, 27 – Горькое озеро, могила 8 (раскопки С.А. Теплоухова), 28 – Уты, 29 – Ключи, 30, 31 – Кочергино, курган 1 (раскопки А.В. Адрианова), 33 – Райков улус (раскопки А.Н. Липского); 34 – колючанный крючок (Минусинский край, Никольское); 35 – наперсток для стрельбы из лука (Колмакова); 36–40 – кинжалы: 36 – из курганов в окрестностях Абакана (раскопки В.В. Радлова), 37 – Белоярское, 38 – Калы, 39 – Тагарское озеро, курган 32, 39a – шило-вкладыш в ручку кинжала 39, 40 – Тесинское; 41, 42 – чеканы: 41 – Минусинский край, 42 – Большой Хабык; 43 – секира (Тесь); 15–43 – бронза (по: *Археология СССР. Стенная...*; с. 434, табл. 84).

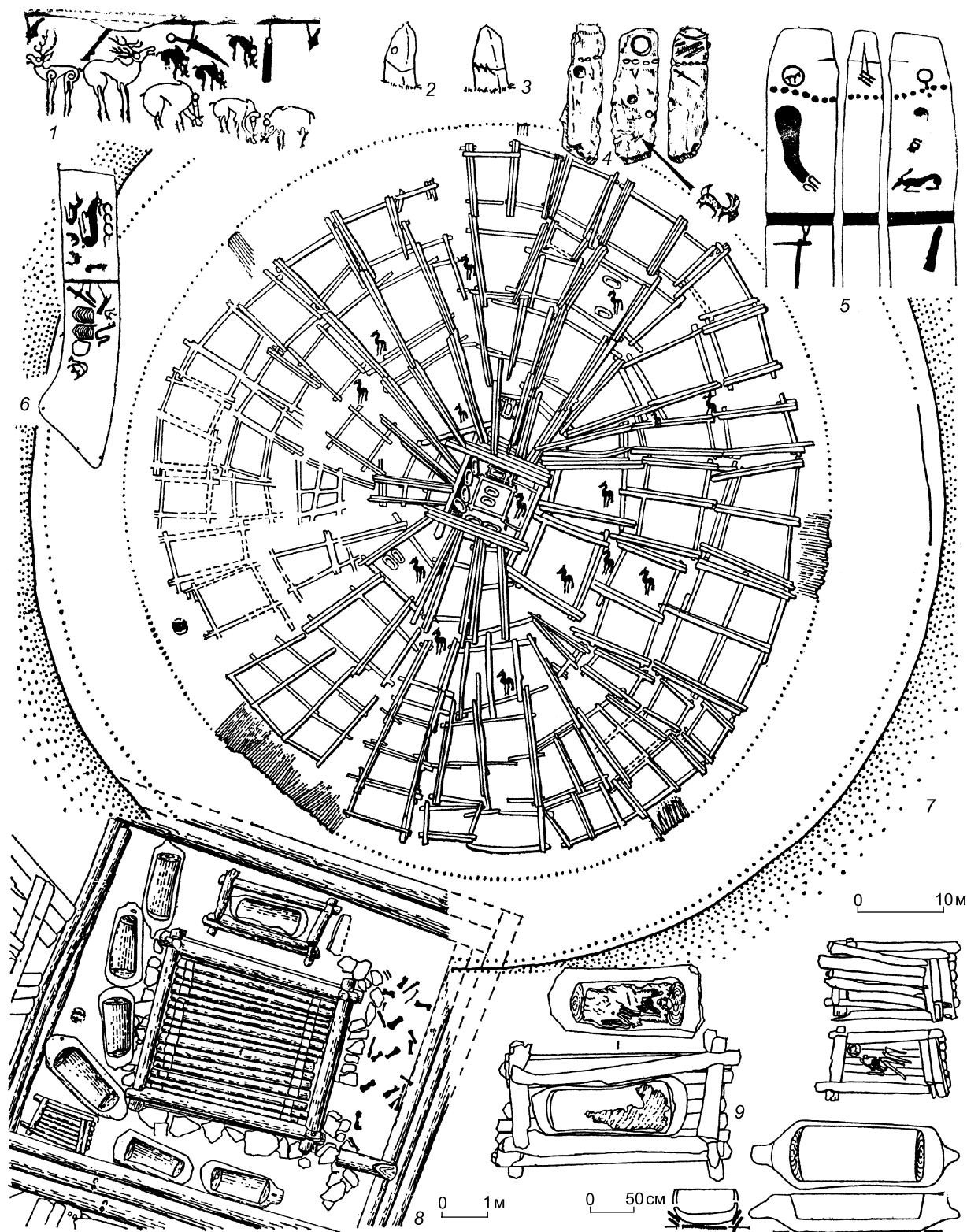

Рис. 36. Ранние кочевники Тувы. Оленные камни, курган Аржан.

1 – курган Аржан (разворот); 2, 3 – оз. Белое близ Аржана; 4 – Сосновка; 5 – Самагалатай; 6 – второй Туранский камень; 7 – план-схема кургана Аржан (реконструкция Л.Н. Баранова; фигурой коня помечены камеры с конскими захоронениями); 8 – Аржан, камера 1; 9 – Аржан, колоды и срубы из камеры 1 (по: *Археология СССР. Стенная...*; с. 421, табл. 71).

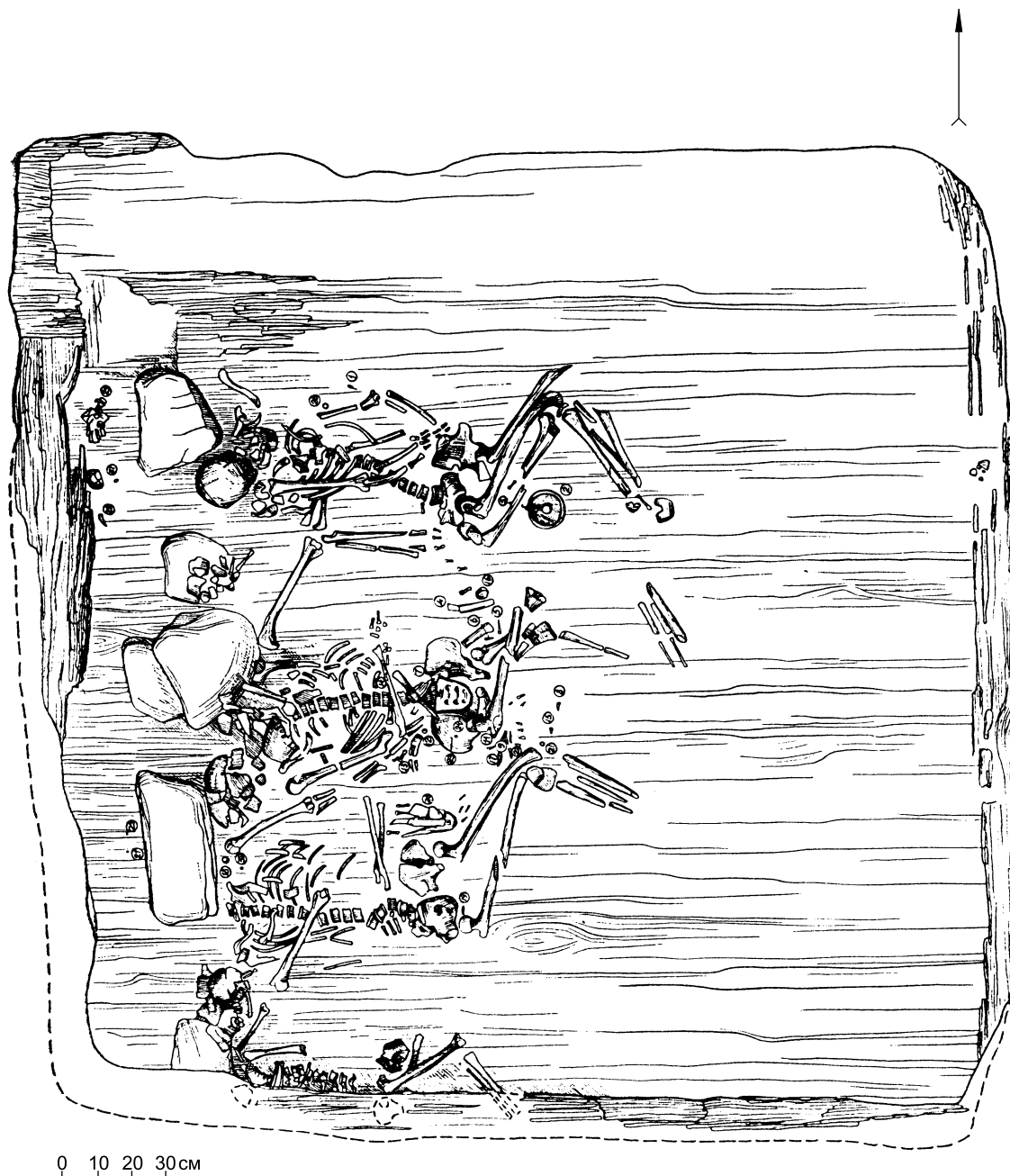

Рис. 37. Могильник Кюзленги I, курган 1. План камеры после расчистки
(по: Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980; с. 167, рис. 29).

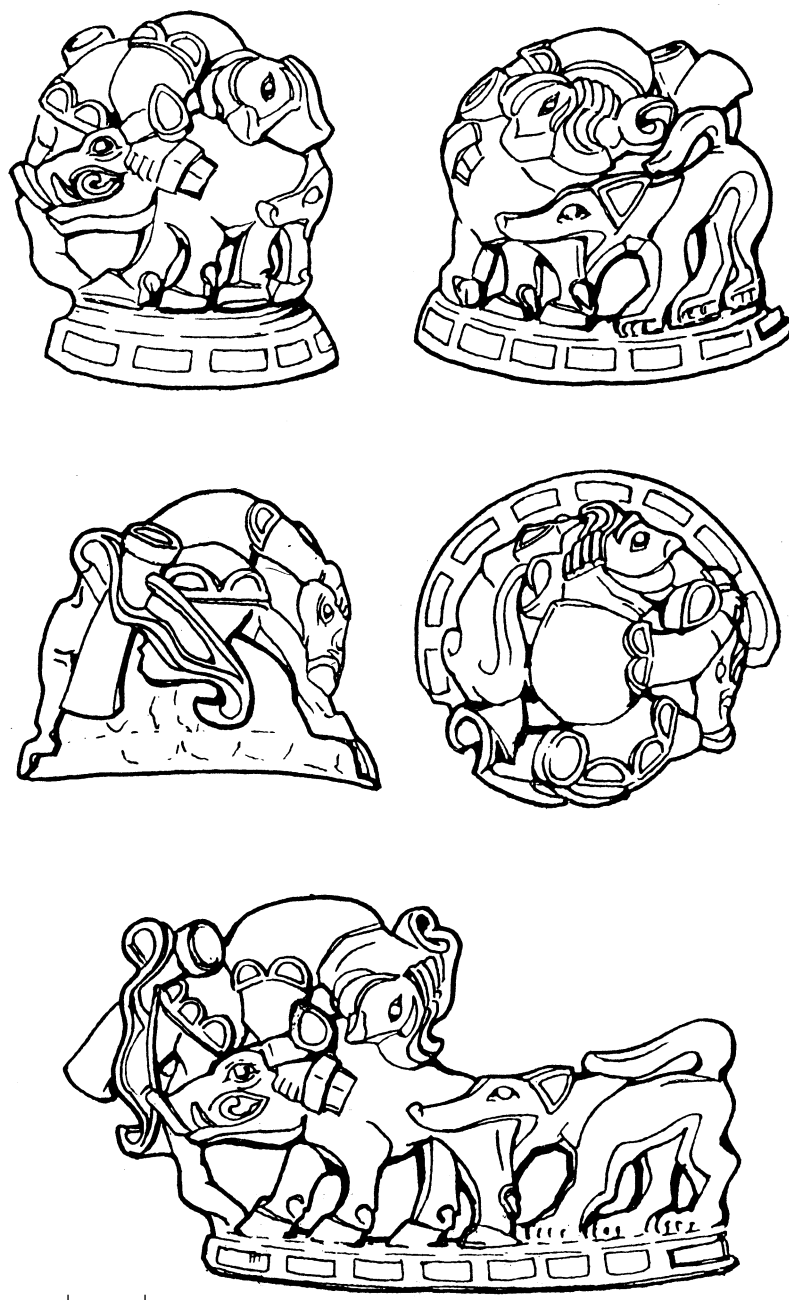

Рис. 38. Могильник Тээрге III. Золотая композиция. Прорисовка видов; развертка
(по: Грач А.Д. Древние...; с. 255, рис. 117).

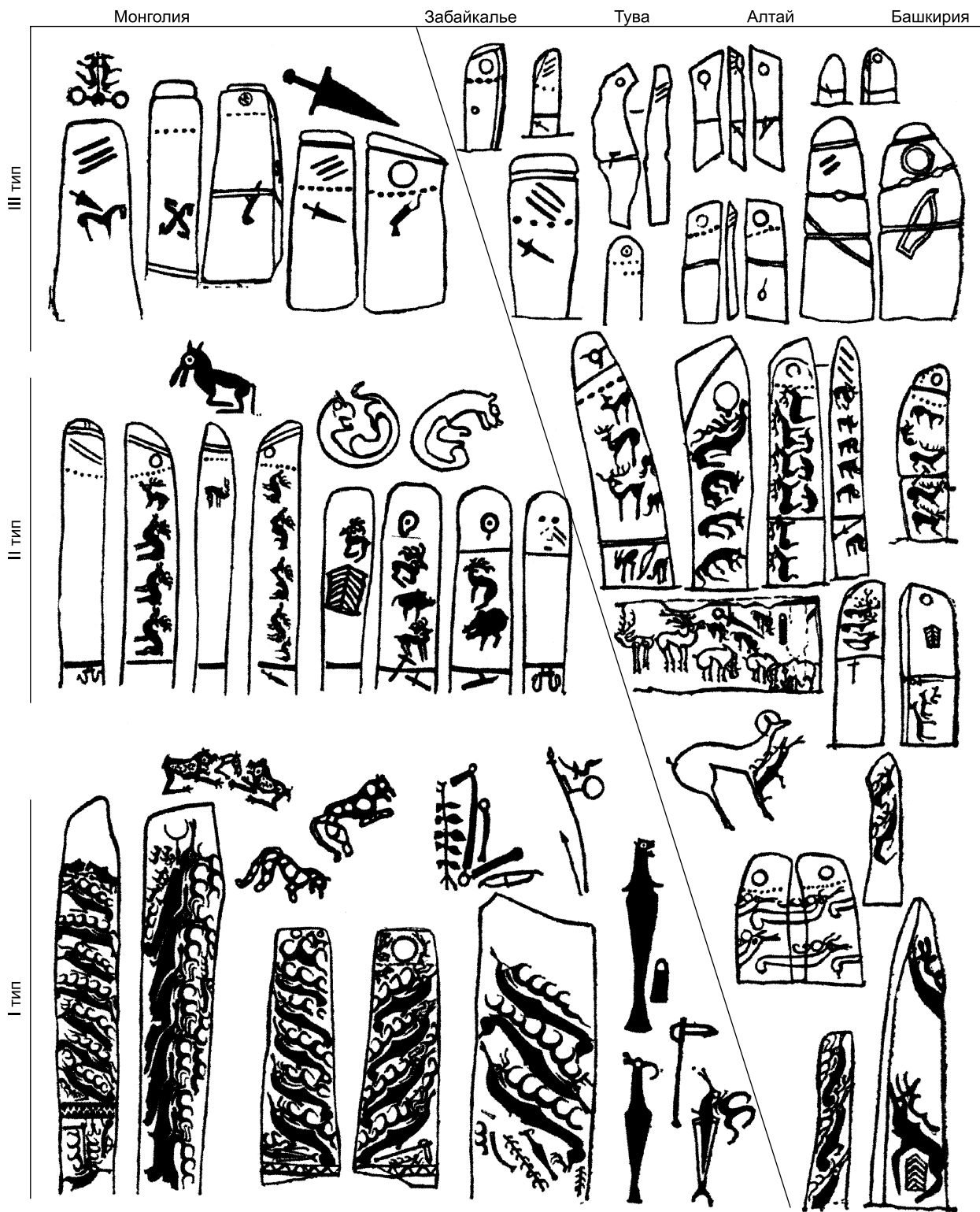

Рис. 39. Оленные камни I, II и III типов в Центральной Азии
(по: Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989; с. 75, табл. XVII).

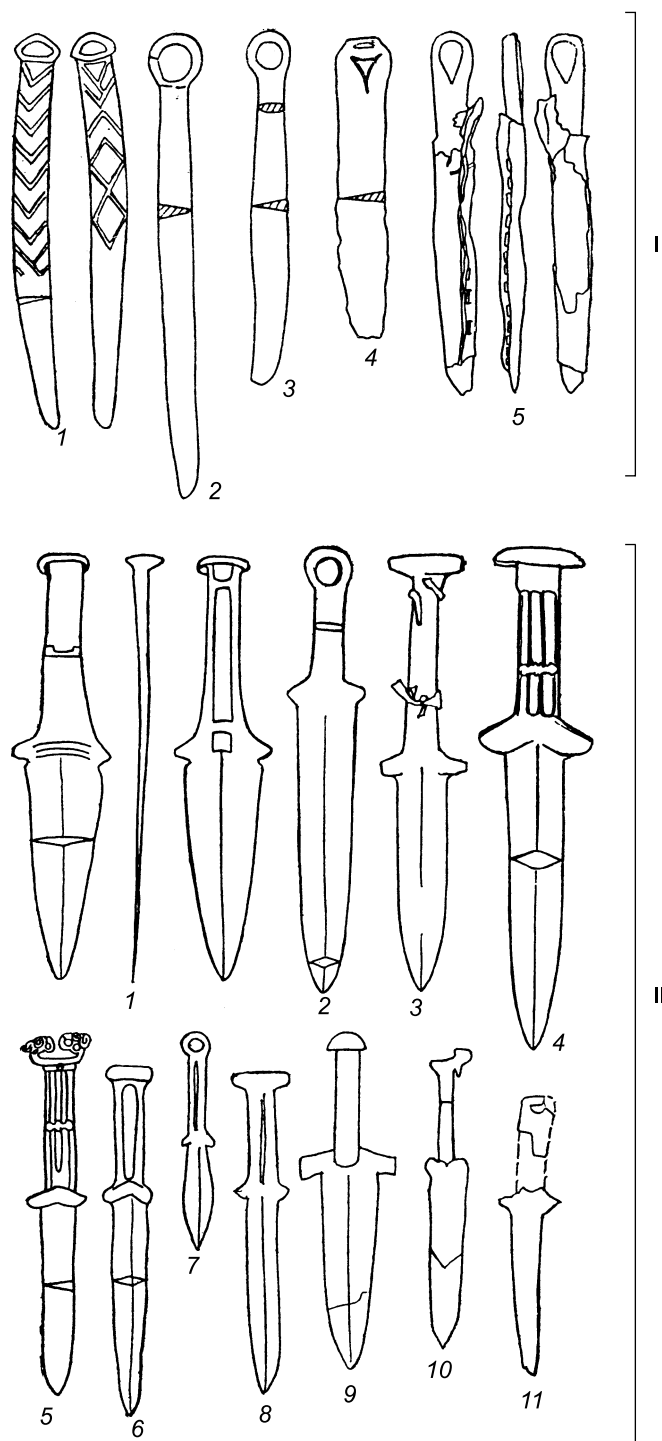

Рис. 40. Бронзовые ножи (I) и кинжалы (II) из Улангомского могильника
(по: Новгородова Э.А. Древняя...; рис. 1).

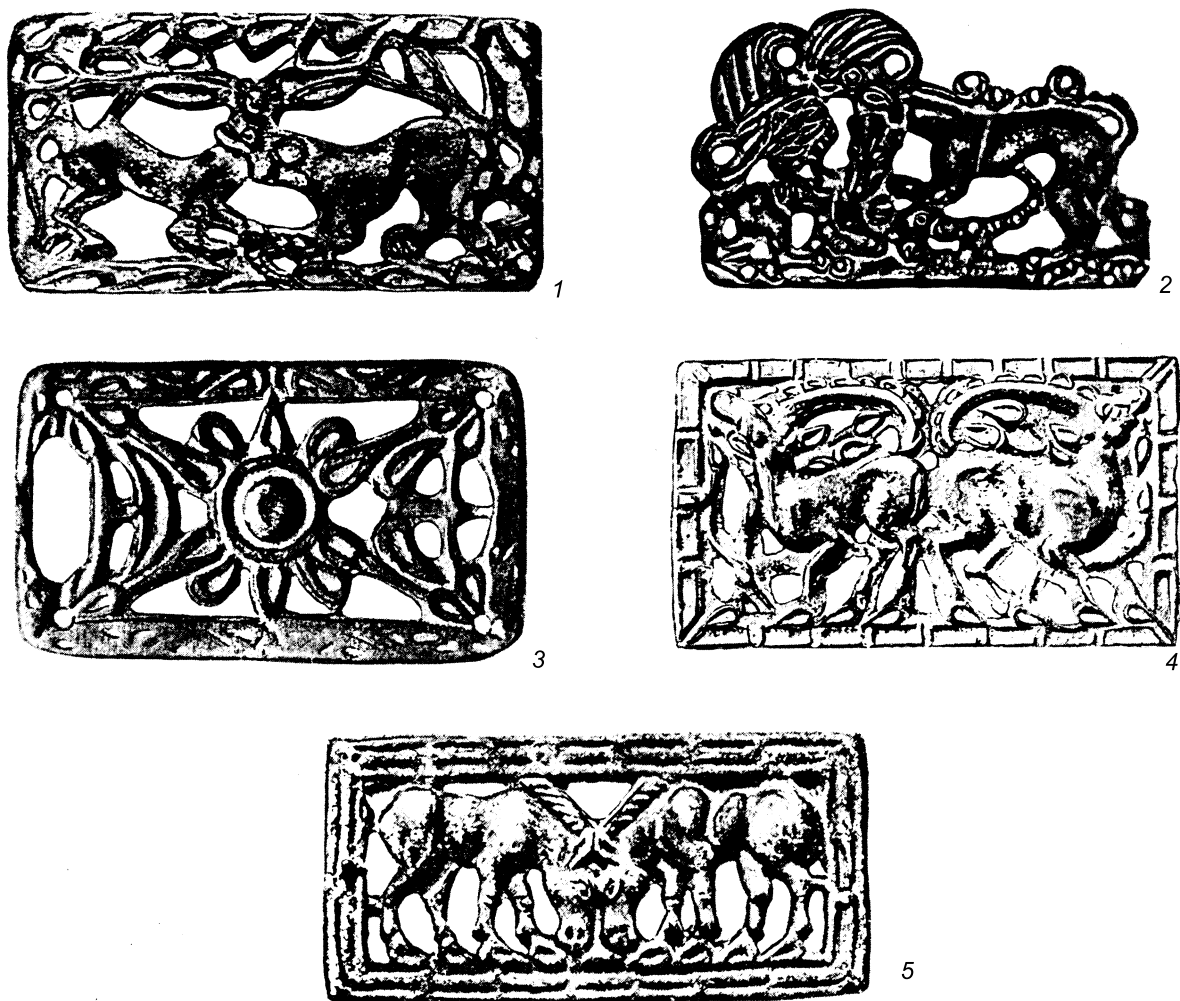

Рис. 41. Ордосские художественные бронзы
(по: Богданов Е. С., Кузнецов Д. В. Ордосские художественные бронзы // Археология, этнография
и антропология Евразии, 2001, № 2 (6); с. 108, рис. 2).

Заключение

Сложение скифо-сибирской общности явилось одним из отражений колоссальных изменений в экономике, социальных отношениях и мировоззрении древнего населения, произошедших на огромной степной и лесостепной территории от Восточной Европы на западе до северных районов Китая и Монголии на востоке в I тыс. до н.э.

Скифы и близкие им народы жили в одно время с величайшими философами, чьи идеи лежат в основе современных европейских представлений, но они создали свою систему миропонимания. Они были современниками величайших художников, но создали свой неповторимый художественный стиль, образцы которого украшают лучшие музеи мира. Они были современниками величайших полководцев, но в сражениях с ними так и не были побеждены. Все народы, которые сейчас проживают на их территориях, в своем мифотворчестве называют скифов своими предками.

Завершая обзор культур скифо-сибирского мира, надо подчеркнуть, что при всей их схожести, каждая обладала своими отличительными особен-

ностями. В предложенном учебном пособии значительную часть объема занимают скифы Северного Причерноморья. Это не вызвано их особой ролью в самом историческом процессе, а лишь тем, что историю этого народа освещают не только археологические источники, но и достаточно многочисленные письменные свидетельства. А внутренний мир других племен скифо-сибирской общности, безусловно, был столь же богат историческими легендами, мифами о своем происхождении и истории собственных богов, только они до нас не дошли.

В предлагаемой книге авторы дали характеристику самобытного историко-культурного феномена лесостепной Евразии I тыс. до н.э. – скифо-сибирского мира. В ней нашли отражение далеко не все культуры, а в первую очередь наиболее яркие и сравнительно хорошо изученные.

Культуры скифо-сибирского мира заложили в эпоху раннего железа базу для формирования многих последующих исторических образований и сыграли огромную роль в их развитии не только на территории лесостепной Евразии, но и далеко за ее пределами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
Введение. Феномен скифо-сибирского мира	4
Раздел I. Скифы Северного Причерноморья	
Глава 1. История исследования скифов	8
Глава 2. Ранние скифы	11
Глава 3. Скифы периода расцвета	18
Глава 4. Поздние скифы	32
Глава 5. Идеологические воззрения и культура скифов	39
Раздел II. Скифо-сарматское время Поволжья, Приуралья и Средней Азии	
Глава 6. Сарматы	58
Глава 7. Население Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время	65
Раздел III. Культуры скифского времени Сибири и Центральной Азии	
Глава 8. Горный Алтай в скифское время	82
Глава 9. Саргатская культура	90
Глава 10. Культуры большереченской общности	96
Глава 11. Тагарская культура	102
Глава 12. Тува в скифское время	108
Глава 13. Скифо-сибирский мир на территории Монголии и Китая	113
Заключение	141

Учебное издание

**Татьяна Николаевна Троицкая
Андрей Владиленович Новиков**

СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН,
Советом Института искусств НГПУ*

Редактор *Н.А. Лукашова*
Художественное оформление *Л.Н. Ким*
Технический редактор *О.М. Вараксина*
Корректор *В.В. Борисова*
Компьютерная верстка *Н.М. Райзвих*

Подписано в печать 16.11.06. Формат 60×84/8. Гарнитура Tense.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,7. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ 463.

НП «Академическое издательство «Гео»
630090, Новосибирск, просп. Академика Коптюга, 3
тел./факс: (383)330-79-08, <http://www.izdatgeo.ru>

**Общество с ограниченной ответственностью
Научно-производственный центр “Югра-Терра”**

Директор

к.и.н. Васильев Виталий Геннадьевич

Научно-производственный центр “Югра-Терра” был основан в мае 2003 г. и в настоящее время является динамично развивающимся предприятием в области изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия севера Западной Сибири в целом и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в частности.

Основные виды деятельности центра “Югра-Терра” направлены на производство научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ, обеспечивающих исключение негативного воздействия на объекты культурного наследия и их сохранность в результате промышленного освоения территорий.

Основные направления деятельности:

- мониторинг состояния объектов культурного наследия;
- проектные и проектно-изыскательские работы в области сохранения и использования объектов культурного наследия;
- историко-культурные исследования в зонах хозяйственной деятельности;
- аварийно-спасательные работы на объектах культурного наследия.

Вместе с тем, центр “Югра-Терра” участвует в организации и проведении региональных археологических научных конференций и семинаров, инвестирует средства в издание сборников статей, монографий, буклетов и видеофильмов по истории Западной Сибири.

Адрес:

628001, г. Ханты-Мансийск, ул. Ямская, д. 3/1-9
тел./факс: 8(34671) 3-43-71; тел.: 8 (34671) 3-88-40
моб. 89028147946; 89028140936
e-mail: vasilyevvg@bk.ru akenig@bk.ru